

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ NEW YORK TIMES

РИК РИОРДАН

ИСПЫТАНИЯ

АПОЛЛОНА

ТЁМНОЕ
ПРОРОЧЕСТВО

18+

Рик Риордан

Тёмное пророчество

Серия «Вселенная Перси Джексона»

Серия «Испытания Аполлона», книга 2

indd предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53617019

Рик Риордан Испытания Аполлона. Книга 2. Тёмное пророчество:

ISBN 978-5-04-091934-5

Аннотация

Итак, Аполлона лишили божественной силы, заставили пройти смертельно опасный квест в Лагере полукровок и бросили одного на произвол судьбы, — но на этом его испытания еще не закончились! Чтобы вернуться на Олимп, Лестеру Пападопулусу (то есть несравненному Аполлону, конечно!) предстоит отправиться на поиск следующего оракула, который не только предопределит его судьбу, но и повлияет на жизнь его близких друзей. Однако чтобы добраться до него, бывшему богу придется взглянуть в глаза своим страхам и встретиться со старыми врагами, которые больше всего на свете хотят убить его. На что же готовы пойти Аполлон и его друзья, чтобы выполнить свою миссию?

Рик Риордан – автор мировых бестселлеров для подростков, лучший современный писатель в детской литературе, по мнению авторитетного издания «New York Times».

Содержание

1	7
2	20
3	33
4	45
5	59
6	70
7	80
8	93
9	101
10	114
11	121
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Рик Риордан
Испытания Аполлона
Книга 2. Тёмное пророчество

Rick Riordan

The Trials of Apollo: THE DARK PROPHECY

Copyright © 2017 by Rick Riordan

All rights reserved

Серия «Испытания Аполлона»

© Оверина Ксения, перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

* * *

*Урсуле К. Ле Гуин,
научившей меня, что в Дальних Пределах все
правила меняются.*

1

Лестер (Аполлон)
Спасибо, пока еще смертен
Боги, не жизнь, а ужас

Я понял, что день не задался, когда наш дракон объявил войну Индиане.

Мы уже шесть недель держали курс на запад, но ни один штат не вызывал у Фестуса такой неприязни. На Нью-Джерси он просто не обратил внимания. Пенсильвания ему, кажется, понравилась, несмотря на битву с циклопами Питтсбурга. Огайо он вытерпел, хотя нам и пришлось убежать от Потины, римской богини детского питья, которая погналась за нами в форме огромного красного кувшина с улыбающейся рожицей на боку.

Однако по какой-то причине Фестус невзлюбил Индиану. Он приземлился на купол Капитолия, взмахнул металлическими крыльями и обдал огнем флагшток, испепелив флаг штата.

– Полегче, приятель! – натянул поводья Лео Вальдес. – Мы это уже обсуждали. Нельзя поджигать памятники!

Сидящая за его спиной Калипсо схватилась за бронзовые чешуйки дракона, чтобы удержать равновесие.

– Может, мы уже спустимся на землю? Только на этот раз

осторожно!

Несмотря на то что в прошлом Калипсо была бессмертной волшебницей и владычицей духов воздуха, летать ей не особенно нравилось. Порыв холодного ветра метнул ее каштановые волосы мне в лицо, заставив меня моргать и плевать-ся.

Именно так, дорогой читатель.

Мне, самому важному пассажиру, юноше, который когда-то был великолепным богом Аполлоном, пришлось сидеть на драконе позади всех! О, какие унижения мне приходится терпеть с тех пор, как Зевс лишил меня божественной силы! Мало того, что теперь я стал шестнадцатилетним смертным с жутким имечком Лестер Пападопулос, мало того, что мне пришлось мыкаться на земле и пуститься (брр!) в героический квест, чтобы вернуть себе милость отца, и мало того, что мои прыщи *вообще не реагировали* на лекарства от угревой сыпи, которые можно купить в аптеке без рецепта, – так ведь еще и Лео Вальдес не давал мне править своим скакуном из небесной бронзы, несмотря на то, что у меня имеются ученические водительские права, выданные штатом Нью-Йорк!

Когти Фестуса заскребли по зеленому медному куполу, который был явно маловат для дракона его размеров. Я вдруг вспомнил, как установил на свою солнечную колесницу статую музы Каллиопы в полный рост, но такая фигурка на капоте оказалась слишком тяжелой, поэтому я спикировал в

Китай и сотворил пустыню Гоби.

Лео повернул ко мне заляпанное сажей лицо:

– Аполлон, ты что-нибудь чувствуешь?

– А почему это я должен что-то чувствовать? То, что я был богом прорицания, еще не...

– Это ведь у тебя были видения, – напомнила мне Калипсо. – Ты сказал, что твоя подруга Мэг будет здесь.

Один только звук этого имени причинил мне боль.

– Это не значит, что я могу мысленно определить, где она находится. Зевс аннулировал мой доступ к GPS!

– GPS? – переспросила Калипсо.

– Godly positioning systems, то есть Система божественного позиционирования.

– Ее не существует!

– Ребята, успокойтесь, – Лео погладил дракона по шее. – Аполлон, ты просто попробуй, хорошо? Этот город похож на тот, что был в твоём видении, или нет?

Я поднял глаза к горизонту.

Рельеф Индианы был плоским: поросшие кустарником бурые равнины, испещренные линиями автодорог, тени зимних облаков, плывущих над разросшимися городами. Вокруг нас высилось скромное скопление центральных высот – башен из камня и стекла, похожих на полосатые лакричные конфеты. (Я сейчас не о вкусных лакричных конфетах, а о тех мерзких, которые целую вечность лежат в вазочке на кофейном столике вашей мачехи. И нет, Гера, с че-

го ты взяла, что я имею в виду тебя?)

После моего низвержения на землю в Нью-Йорке, Индианаполис показался мне безлюдным и скучным, как если бы один из нормальных районов Нью-Йорка – Мидтаун, например, – растянули до размеров целого Манхэттена, лишили двух третей населения и яростно прошли по нему струей воды из аппарата для мойки под высоким давлением.

Я не мог придумать ни одной причины, по которой триумфат злых древнеримских императоров заинтересовало бы такое место. Также я не мог понять, с чего бы им посылать сюда за мной Мэг Маккаффри. Однако видения говорили именно об этом. Мне была знакома эта панорама. Я слышал, как мой старый враг Нерон приказывает Мэг: «Отправляйся на запад. Схвати Аполлона прежде, чем ему удастся найти следующий оракул. Если не сможешь привести его ко мне живым – убей».

Знаете, что в этом самое печальное? Мэг была одним из моих лучших друзей. А еще благодаря Зевсову извращенному чувству юмора она стала той полубогиней, которой я служил. До тех пор пока я оставался смертным, Мэг могла приказывать мне сделать что угодно, даже убить самого себя... Нет. Лучше даже не думать о таком.

Я поерзал на металлическом сиденье. После долгих недель в путешествии я устал и натер мозоли этим седлом. Мне хотелось найти какое-нибудь спокойное место и отдохнуть. Но этот город не подходил для отдыха. Что-то в его об-

лике внушало мне тревогу, как и Фестусу.

Увы, я был уверен, что мы находимся в нужном месте. Какой бы ни была опасность, если есть хоть одна возможность увидеть Мэг Маккаффри и вырвать ее из лап злодея отчима, я должен был попытаться.

– Мы на месте, – сказал я. – И пока купол не рухнул, предлагаю спуститься вниз.

– Я уже об этом сказала, – проворчала Калипсо на древнем минойском языке.

– Что ж, мои извинения, волшебница! – ответил я на том же языке. – Возможно, если бы тебе являлись полезные видения, я бы прислушивался к тебе почаще!

Калипсо выругалась в мой адрес, напомнив мне о том, как богат был минойский язык, пока его не предали забвению.

– Эй, вы двое, – окликнул нас Лео. – Никаких древних языков. Только испанский или английский. Или механический.

Фестус, соглашаясь, заскрипел.

– Все хорошо, дружище, – успокоил его Лео. – Я уверен, они не хотели нас обидеть. А теперь давай спустимся на землю, м-м?

Красные глаза Фестуса засветились, а металлические зубы завертелись будто сверла. Я представил, как он думает: «Иллинойс звучит сейчас очень заманчиво».

Но дракон взмахнул крыльями и спрыгнул с купола. Мы помчались вниз и приземлились перед Капитолием. Посадка

оказалась жесткой: по тротуару пошла трещина, а мои глазные яблоки затряслись, словно заполненные водой воздушные шарики.

Фестус помотал головой из стороны в сторону, пуская из ноздрей спиральные струйки пара.

Поблизости я не заметил никаких непосредственных угроз. По Уэст-Вашингтон-стрит неторопливо ехали машины. Мимо прогуливались пешеходы: женщина средних лет в платье с цветами, коренастый полицейский с кофе в стаканчике с надписью «Café Patachou», подтянутый мужчина в синем костюме из легкой ткани в полоску.

Приблизившись к нам, мужчина в синем приветливо помахал рукой:

– Доброе утро!

– Привет, чувак, – отозвался Лео.

Калипсо наклонила голову:

– И с чего такое дружелюбие? Разве он не видит, что мы сидим на спине у металлического дракона в полсотни тонн весом?

Лео улыбнулся:

– Это все Туман, детка, он застилает смертным глаза. Монстры им кажутся бродячими собаками, мечи – зонтиками, а я – даже красивее, чем есть на самом деле.

Калипсо ткнула Лео большими пальцами в район почек.

– Ай! – вскрикнул он.

– Я знаю, что такое Туман, *Леонидас*...

– Эй, я же просил никогда меня так не называть!

– ...но, должно быть, Туман здесь очень силен, раз он может сделать незаметным такое огромное чудовище, как Фестус, да еще с такого близкого расстояния. Аполлон, тебе не кажется это несколько странным?

Я пригляделся к прохожим.

Мне и правда встречались места, где Туман был особенно густым. Небо над полем брани в Трое так заволокли боги, что нельзя было развернуть колесницу, чтобы не врезаться в очередное божество, однако ни троянцы, ни греки не заметили и намек на наше присутствие. Во время аварии на АЭС Три-Майл-Айленд в 1979 году смертные так и не поняли, что часть ядерного реактора расплавилась, потому что Арес и Гефест устроили грандиозное сражение на цепных пилах. (Насколько я помню, Гефест нелестно отозвался об Аресовых расклепанных джинсах.)

Но здесь дело было явно не в густом Тумане. Что-то в местных жителях меня настораживало. Лица у них были очень уж благодущными. Глядя на их глупые улыбки, я вспомнил о древних афинянах накануне дионисий, когда все пребывали в отличном настроении, предвкушая грядущие пьяные дебоши и распутства.

– Лучше бы нам перебраться в менее людное место, – предложил я. – Может быть...

Фестус споткнулся и затрясся, словно мокрый пес. Внутри у него раздался такой звук, будто там слетела велосипедная

цепь.

– Нет, только не это! – воскликнул Лео. – Все слезайте! Мы с Калипсо тут же спрыгнули на землю.

Лео встал перед мордой Фестуса, вытянув руки словно заправский драконий ковбой.

– Все хорошо, приятель! Я просто ненадолго тебя выключу, ладно? Небольшой простой, чтобы...

Фестус изрыгнул мощную струю пламени прямо на Лео. К счастью, Вальдес был огнеупорным. А вот его одежда такой не была. Сам Лео рассказывал мне, что обычно может защитить свою одежду от воспламенения просто силой мысли. Но если его застать врасплох, то этот метод может и не сработать.

Когда пламя рассеялось, Лео предстал перед нами едва ли не в чем мать родила: на нем остались только боксеры из асбестовой ткани, волшебный пояс с инструментами и дымящиеся, наполовину расплавленные кроссовки.

– Черт! – завопил он. – Фестус, тут же холодно!

Дракон споткнулся. Лео бросился вперед и дернул рычаг за его левой передней лапой. Фестус начал складываться. Его крылья, лапы, шея и хвост втянулись в тело, бронзовые чешуйки сложились вместе и заправились внутрь. За пару секунд наш роботизированный друг превратился в большой бронзовый чемодан.

Физически это было, конечно, невозможно, но как каждый уважающий себя бог, полубог или инженер, Лео Вальдес

не позволял законам физики вставать на своем пути.

Он сердито осмотрел свой новый багаж:

– Вот же ж... Я был уверен, что починил его гироконденсатор! Похоже, мы тут застряли до тех пор, пока я не найду автомастерскую.

Калипсо поморщилась. На ее розовой лыжной куртке сверкали капельки конденсата, оставшиеся после нашего полета в облаках.

– И если мы ее найдем, сколько времени понадобится, чтобы починить Фестуса?

Лео пожал плечами:

– Двенадцать часов? Пятнадцать? – Он нажал кнопку на чемодане, из которого тут же выскочила ручка. – И будет неплохо, если нам встретится магазин мужской одежды.

Я представил, как Лео в боксерах и расплавленных кроссовках заходит в магазин «Т.Д. Махх», катя за собой бронзовый чемодан. Так себе зрелище.

Тут со стороны тротуара раздался голос:

– Здравствуйте!

Женщина в платье в цветочек вернулась. По крайней мере выглядела она точь-в-точь как та, первая, женщина. Так что или это была она, или в Индианаполисе множество женщин носили платья с принтом из желто-фиолетовых цветов жимолости и начесы в стиле 1950-х годов.

Она рассеянно улыбнулась:

– Прекрасное утро!

Утро на самом деле выдалось весьма неприглядным: было холодно, облачно, пахло надвигающимся снегопадом, но я подумал, что было бы грубо ничего не ответить.

Я едва заметно помахал ей рукой – так я обычно приветствовал своих почитателей, когда они простирались ниц перед моим алтарем. По-моему, посыл был очевиден: я тебя заметил, жалкая смертная, а теперь убирайся – богам нужно поговорить.

Женщина намека не поняла. Она зашагала вперед и встала прямо перед нами. Крупной ее было не назвать, но что-то в ее телосложении было неправильным. Плечи были слишком широки для ее головы. Грудь и живот выдавались вперед комковатой массой, словно она засунула себе под платье мешок, набитый манго. Длинные и тонкие руки и ноги делали женщину похожей на какого-то гигантского жука. Если бы кто-то опрокинул ее на спину, сомневаюсь, что ей удалось бы быстро подняться.

– Ничего себе! – Она вцепилась в свою сумочку обеими руками. – Какие же вы, детки, хорошенькие!

Помада и тени женщины были ярко-фиолетовыми. Я даже подумал, не страдает ли ее мозг от недостатка кислорода.

– Мадам, – обратился к ней я, – мы вовсе не дети. – Я мог бы добавить, что самому мне более четырех тысяч лет, а Калипсо и того больше, но решил не развивать эту тему. – А теперь, если позволите, нам нужно починить чемодан, и к тому же мой друг крайне нуждается в паре брюк.

Я попытался обойти незнакомку, но она преградила мне путь:

– Вы пока не можете никуда уйти, милый мой! Мы должны как следует поприветствовать вас в Индиане! – Она достала из сумочки смартфон. Его экран светился, как будто кто-то уже ответил на ее звонок. – Это точно он, – сказала она в трубку. – Все сюда! Аполлон здесь!

Легкие сжались у меня в груди.

В былые времена я бы ожидал, что меня узнают сразу, как только я появлюсь в городе. Конечно, местные жители тут же бросились бы приветствовать меня. Они бы пели, танцевали и бросали мне цветы. И сразу же принялись бы возводить новый храм.

Но Лестер Пападопулос такого обращения не заслуживал. Теперь во мне не было ничего от моего прежнего великолепного облика. Мысль о том, что жители Индианы узнали меня, несмотря на спутанные вихры, прыщи и жирок, была одновременно оскорбительной и пугающей. А что, если они создадут мою статую в нынешнем облике и поставят в центре города огромного золотого Лестера?! Остальные боги будут дразнить меня этим целую вечность!

– Мадам, – сказал я, – боюсь, вы перепутали меня с...

– Не скромничай! – Женщина отбросила телефон и сумочку в сторону и вцепилась в мое предплечье с силой штангистки. – Наш повелитель обрадуется, когда узнает, что мы тебя схватили. И пожалуйста, зови меня Нанетт.

Калипсо бросилась в атаку. То ли она хотела меня защитить (вряд ли), то ли ей не нравилось имя «Нанетт». Она ударила женщину по лицу.

Само по себе это меня не удивило. Лишившись бессмертия, Калипсо пыталась приобрести новые умения. Уже выяснилось, что она никудышный боец на мечах и древковом оружии, не очень ловка в обращении с сюрикэнами и хлыстами и плохо справляется с комедийной импровизацией. (Я разделял ее разочарование.) Сегодня она решила попробовать себя в кулачном бою.

А удивило меня громкое *ХРУСТЬ!* – звук ломающихся костей, раздавшийся, когда ее кулак ударился в лицо Нанетт.

– Ой! – Калипсо попятилась, схватившись за руку.

Голова Нанетт съехала назад. Она отпустила меня, попытавшись поймать собственное лицо, но было слишком поздно: ее голова упала с плеч, звонко ударилась о тротуар и покатила в сторону, моргая глазами и дергая фиолетовыми губами. Основание головы было сделано из гладкой нержавеющей стали. За ней тянулись обрывки скотча с приклеившимися к ним волосами и невидимками.

– Силы Гефестовы! – Лео подбежал к Калипсо. – Дамочка, – обратился он к катящейся голове Нанетт, – вы своим лицом сломали руку моей девушке! Что вы такое – автоматон?

– Нет, милый, – сказала обезглавленная Нанетт. Ее приглушенный голос исходил не из стальной головы на тротуаре,

а откуда-то из-под платья. Над ее воротником, где мгновение назад была ее шея, теперь торчали тонкие белокурые волосы с запутавшимися в них невидимками. — И должна сказать, что бить меня было не очень-то вежливо.

Я запоздало сообразил, что металлическая голова была маскировкой. Точно так же, как сатиры прячут копыта в человеческой обуви, это существо притворялось смертной с настоящим человеческих лицом. Голос исходил откуда-то из живота, что значило...

Колени мои задрожали.

— *Блеммия*, — проговорил я.

Нанетт усмехнулась. Ее выпяченное туловище зашевелилось под цветастой тканью. Оторвав пуговицы на платье — о чем ни одна благовоспитанная жительница Среднего Запада и помыслить не могла, — она явила нам свое истинное лицо.

Там, где у обычной женщины должен быть бюстгальтер, располагались два огромных выпученных глаза, которые, моргая, смотрели на меня. Из грудины выпирал большой лоснящийся нос. Живот ее рассекал отвратительный рот — блестящие оранжевые губы, зубы, похожие на пустые белые игральные карты.

— Да, милый, — сказала лицо. — И именем Триумвирата вы арестованы!

Все пешеходы на Уэст-Вашингтон-стрит, до этого казавшиеся очень славными, повернулись и зашагали в нашем направлении.

2

*Безголовые парни и девы
Не по духу мне Средний Запад
О, глянь, сырный призрак*

«Как же так, Аполлон? – могли подумать вы. – Почему ты просто не достал свой лук и не убил ее? Почему не очаровал ее песней и музыкой своего боевого укулеле?»

Да, и лук, и укулеле висели у меня за спиной вместе с колчаном. К сожалению, даже лучшее оружие полубогов нуждается в том, что называется *ремонт и уход*. Мои дети Кайла и Остин объяснили мне это перед тем, как я покинул Лагерь полукровок. Я не мог просто вынуть лук и колчан из ниоткуда, как делал это раньше, когда был богом. Я не мог сделать так, чтобы по моему желанию в руках у меня появилось прекрасно настроенное укулеле.

Мне пришлось аккуратно завернуть в ткань свое оружие и музыкальный инструмент. В противном случае после полета по дождливому зимнему небу лук искривился бы, стрелы испортились, а во что превратились бы струны укулеле, одному Аиду известно. Чтобы достать их сейчас, мне потребовалось бы несколько минут, которых у меня не было.

Кроме того, я сомневался, что они мне помогут в борьбе с блеммией.

Я не имел дела с этими существами со времен Юлия Цезаря, и с радостью не встречался бы с ними еще две тысячи лет.

Что может сделать бог поэзии и музыки существу, уши которого зажаты под мышками? К тому же блеммии не боятся и не уважают лучников. Эти толстокожие крепыши предпочитают рукопашный бой. Большинство болезней их не берет, а значит, они никогда не просили моей врачебной помощи и не страшились моих чумных стрел. И хуже всего то, что у них нет ни чувства юмора, ни воображения. Будущее их не интересует, а значит, оракулы и пророчества им ни к чему.

Короче говоря, невозможно даже создать существ, менее близких по духу такому привлекательному и наделенному многими талантами богу, как я. (И уж поверьте мне, Арес пытался. Помните гессенских наемников, которых он состряпал в восемнадцатом веке? Брр! Мы с Джорджем Вашингтоном с ними намучились.)

– Лео, – сказал я, – активируй дракона.

– Но я только что запустил энергосберегающий режим!

– Быстро!

Лео потыкал в кнопки на чемодане. Ничего не произошло.

– Я же говорил, чувак. Даже когда Фестус не сломан, если он уснул, его очень трудно разбудить.

«Отлично!» – подумал я. Калипсо склонилась над сломанной рукой, бормоча минойские ругательства. Лео, раздетый до белья, дрожал от холода. А я... ну, я был Лестером. И в

довершение всего, вместо того чтобы устроить наших врагов огромным огнедышащим автоматом, мы должны были дать им отпор с помощью почти неподъемного железного чемодана.

Я повернулся к блеммии.

– УБИРАЙСЯ, мерзкая Нанетт! – Я постарался изобразить свой прежний голос разгневанного бога. – Только попробуй еще раз поднять руку на мою божественную персону – и я тебя УНИЧТОЖУ!

Когда я был богом, такой угрозы было достаточно, чтобы целые армии обмочили свои камуфляжные штаны. Нанетт же только моргнула карими коровьими глазами.

– А ну не шуми, – проговорила она. Движения ее гротескных губ завораживали. Будто хирургический разрез используют как марионетку. – И вообще, дорогуша, теперь ты больше не бог.

И почему мне все постоянно об этом напоминают?!

К нам приближалось все больше местных. Двое полицейских сбежали со ступеней Капитолия. На углу Сенат-авеню трое уборщиков бросили мусоровоз и ковыляли в нашем направлении, размахивая большими железными мусорными баками. С другой стороны полдюжины мужчин в деловых костюмах пересекали лужайку Капитолия.

Лео выругался:

– А что, в этом городе все металлисты? Я не о музыкантах или рабочих.

– Не волнуйся, милый, – сказала Нанетт. – Сдавайтесь, и нам не придется серьезно вас калечить. Это дело императора!

Несмотря на сломанную руку, Калипсо сдаваться явно не собиралась. С громким воплем она снова бросилась на Нанетт, в этот раз намереваясь поразить ударом карате гигантский нос блеммии.

– Не надо! – вырвалось у меня, но было поздно.

Как я уже сказал, блеммии – крепкие создания. Их трудно ранить, а убить еще труднее. Когда нога Калипсо достигла цели, ее лодыжка, неприятно хрустнув, изогнулась, и она упала, задыхаясь от боли.

– Кэл! – Лео кинулся к ней, по пути бросив Нанетт: – Пошла прочь, грудомордая!

– Следи за языком, дорогуша, – пожурила его та. – А теперь, боюсь, мне придется на вас напасть.

Она подняла ногу в лакированной туфельке, но Лео оказался быстрее. Он создал огненный шар и метнул его словно бейсбольный мячик, целясь точно между глазищ, тарачившихся на нас с груди Нанетт. Пламя объяло блеммию, подожгло ее брови и платье в цветочек.

Нанетт закричала, споткнулась, а Лео завопил:

– Аполлон, помоги!

Я понял, что стою, замерев от изумления, что было бы простительно, если бы я наблюдал за разворачивающейся сценой со своего трона на Олимпе. Увы, я был весьма се-

бе внизу, застрял в окопах с низшими существами. Я помог поднять Калипсо на ноги (по крайней мере, на одну ногу), мы закинули ее руки к себе на плечи (все это под дикие вопли Калипсо, потому что я случайно задел ее сломанную руку) и захромали прочь.

Пройдя тридцать футов по лужайке, Лео вдруг остановился:

– Я забыл Фестуса!

– Оставь его!

– Что?!

– Мы не сможем тащить и его, и Калипсо! Вернемся позже. Может быть, блеммии не обратят на него внимания.

– А если они сообразят, как его открыть? – волновался Лео. – Если они его тронут...

– Аааарrrrrr! – Позади нас Нанетт сорвала с себя обрывки горящего платья. Ниже пояса ее тело было покрыто лохматой светлой шерстью, как у сатиров. Несмотря на тлеющие брови, ее лицо, похоже, не пострадало. Блеммия выплюнула пепел и уставилась на нас. – Это было некрасиво! **ВЗЯТЬ ИХ!**

Бизнесмены наступали нам на пятки, лишая нас всякой надежды на то, что мы сможем не попасть к ним в руки и вернуться за Фестусом.

Нам как героям оставался только один выход – и мы побежали.

Настолько неуклюжим я не чувствовал себя со времени

нашей с Мэг Маккаффри смертельной гонки трехногих в Лагере полукровок. Калипсо пыталась помочь, подпрыгивая, словно пого-стик, между Лео и мной, но стоило ей задеть больную ногу или руку, как она взвизгивала и оседала на нас.

– П-простите, ребята, – бормотала она, обливаясь потом. – Похоже, рукопашный бой – это не мое.

– И не мое, – признался я. – Может, Лео сможет задержать их ненадолго...

– Эй, а что сразу я? – проворчал Лео. – Я просто техник – подумаешь, могу разок-другой метнуть огненный шар. Наш боец застрял вон там в режиме чемодана.

– Хромаем быстрее? – предложил я.

До улицы мы добрались живыми только потому, что блеммии двигались очень медленно. Думаю, и я был бы медлительным, если бы мне приходилось удерживать фальшивую металлическую голову у себя... э-э... на голове. Хотя даже без маскировки проворность блеммий явно уступала их силе. У них были большие проблемы с восприятием глубины, так что передвигались они с чрезмерной осторожностью, будто под ногами у них была не земля, а многослойная голограмма. Если бы нам только удалось обхромать их!..

– Доброе утро! – Нас догнал полицейский с пистолетом в руках. – Стойте, или я буду стрелять! Спасибо!

Лео, достав из своего пояса закупоренную стеклянную бутылку, бросил ее под ноги полицейскому, и вокруг того тут же взметнулись языки зеленого пламени. Полицейский вы-

ронил пистолет и начал срывать с себя горящую форму, под которой оказалось лицо с лохматыми бровями на груди и брюшной бородакой, которую уже пора было побрить.

– Уф! – выдохнул Лео. – Слава богам, это все-таки блем-мия! У меня была только одна бутылка с греческим огнем, ребята. А если я буду и дальше кидаться огненными шарами, то скоро отключусь, так что...

– ...нужно найти укрытие, – закончила Калипсо.

Разумный совет, но, похоже, с укрытиями в Индиане было туго. Улицы – широкие и прямые, ландшафт плоский, пешеходов мало, а обзор великолепный.

Мы свернули на Саут-Кэпитол-авеню. Я оглянулся и увидел, что нас нагоняет целая толпа улыбающихся местных с фальшивыми головами. Один из них, строитель, остановился, оторвал бампер пикапа «Форд» и, закинув новую хромированную дубинку на плечо, вернулся в строй.

Тем временем обычные смертные – по крайней мере те, кто вроде бы не стремился убить нас, – шли мимо по своим делам, звонили по телефону, стояли на светофорах, попивали кофе в кафе и совершенно нас не замечали. На углу закутаный в толстое покрывало нищий, сидя на ящике из-под молока, попросил у меня мелочи со сдачи. Я едва сдержался, чтобы не ответить, что сдачи ему скоро дадут наши вооруженные преследователи.

Сердце у меня колотилось. Коленки дрожали. Смертное тело – это ужасно. Мне приходилось терпеть столько

неудобств: страх, холод, тошнота, желание заскулить «Не убивайте меня, пожалуйста!». Если бы не лодыжка Калипсо, мы бежали бы быстрее, но просто взять и бросить волшебницу было нельзя. Не то чтобы я испытывал особенную симпатию к Калипсо, не подумайте, но я уже заставил Лео бросить дракона и больше искушать судьбу не хотел.

– Туда! – воскликнула волшебница и указала подбородком на переулок за отелем, напоминающий служебный проезд.

Я вздрогнул, вспомнив первый день в Нью-Йорке, который я провел в облике Лестера Пападопулоса.

– А вдруг там тупик? В последний раз, когда я был в тупике, ничего хорошего не произошло.

– Нужно попробовать, – сказал Лео. – Может, нам удастся спрятаться там или... не знаю.

«Или... не знаю» – так себе запасной план, но ничего лучшего я предложить не мог.

Хорошая новость: это был не тупик. Я ясно видел выход в конце квартала. Плохая новость: двери к погрузочным площадкам отеля были закрыты, так что нырнуть туда мы не могли – вдоль противоположной стены проезда стояли мусорные баки. Ох эти мусорные баки! Ненавижу!

Лео вздохнул:

– Что ж, можем запрыгнуть в...

– Нет! – рявкнул я. – Ни за что!

Мы продвигались по проезду так быстро, как только мог-

ли. Я старался успокоить нервы, сочиняя про себя сонет о разных способах, которыми разгневанный бог мог уничтожить мусорные баки. Увлеченный этим занятием, я ничего не видел перед собой, пока не услышал вскрик Калипсо.

Лео остановился.

– Что за... *Nijo!*¹

От призрака исходило оранжевое сияние. Он был одет в классический хитон, сандалии, я заметил меч в ножнах – ни дать ни взять греческий воин в расцвете лет... только без головы. Правда, в отличие от блеммий, он явно был когда-то человеком. Кровь из раны у него на шее капала на светящееся оранжевое одеяние.

– Сырный призрак! – выпалил Лео.

Дух поднял руку, призывая нас идти вперед.

Будучи бессмертным, я не особенно боялся мертвецов. Если видел одну измученную душу – считай, видел их все. Но что-то в этом призраке меня насторожило. Он всколыхнул какое-то далекое воспоминание, чувство вины за нечто, случившееся тысячи лет назад...

Голоса блеммий позади нас стали громче. Я слышал, как они кричат прохожим: «Доброе утро!», «Извините!», «Какой чудесный день!»

– Что будем делать? – спросила Калипсо.

– Пойдем за призраком, – ответил я.

¹ *Nijo* (исп.) – часть бранного выражения «сукин сын». (Здесь и далее примечания переводчика.)

– Чего?! – взвизгнул Лео.

– Мы пойдем за призраком сырного цвета. Ты же сам всегда говорил: «*Да придёт с вами сыр!*»

– Это же шутка, *ese!*²

Оранжевый дух поманил нас снова, а затем полетел к дальнему концу проезда.

За нашими спинами раздался мужской голос:

– Вот вы где! Прекрасная погода, правда?

Я обернулся и увидел, что на нас летит, вращаясь в воздухе, автомобильный бампер.

– Ложись! – я схватил Лео и Калипсо, которая снова завопила от боли.

Бампер просвистел над нами и с грохотом рухнул в мусорный бак, вызвав целый взрыв конфетти из мусора.

Мы с трудом поднялись на ноги. Калипсо дрожала, но на боль теперь не жаловалась. Явные симптомы травматического шока.

Лео достал из своего пояса строительный степлер.

– Ребята, бегите вперед. Я задержу их на сколько смогу.

– И что ты намерен делать? – спросил я. – Разложить их по стопкам и сшить?

– Буду кидать в них что под руку попадет! – огрызнулся он. – Или у тебя есть идея получше?

– В-вы оба, прекратите сейчас же, – заикаясь, проговорила Калипсо. – Мы н-никого не оставим. А теперь марш! Лево́й,

² Дружище (*исп.*)

правой, левой, правой!

Из проезда мы выбежали на большую круглую площадь. Ну почему жители Индианы не могли построить нормальный город с узкими петляющими улочками, множеством темных закоулков или даже парочкой удобно расположенных бункеров-бомбоубежищ?!

Перед нашим взором предстал фонтан, окруженный кольцом дороги и впавшими в зимнюю спячку клумбами. С северной стороны возвышались высотки-близнецы – очередной отель. С южной виднелось более старое и величественное здание из красного кирпича и гранита, похожее на вокзал в викторианском стиле. С одной стороны вокзала в небо устремлялась часовая башня футов двести высотой. Над центральным входом под дугой мраморной арки мерцало гигантское окно-розетка, заключенное в зеленую медную раму, словно кто-то создал витраж, вдохновившись олимпийской мишенью для игры в дартс (мы, боги, собирались раз в неделю пометать дротики).

От этой мысли на меня навалилась тоска по дому. Я бы отдал сейчас все что угодно, лишь бы оказаться на одной из наших игровых вечеринок, даже если при этом мне пришлось бы слушать, как Афина хвастается заработанными в «Скрэббл» очками.

Я осмотрел площадь. Наш призрачный проводник, похоже, испарился.

Зачем он привел нас сюда? Может, нужно пойти в отель?

Или на вокзал?

Но отвечать на эти вопросы мне не пришлось, потому что нас окружили блеммии.

Толпа преследователей наконец нагнала нас. На круговом перекрестке у отеля показалась полицейская машина. Ко входу в отель подъехал бульдозер, его машинист помахал нам и весело крикнул:

– Здравствуйте! Сейчас я по вам проедуся!

Все отступные пути с площади были перекрыты в мгновение ока.

Струйки пота на моей шее превратились в лед. В ушах стоял какой-то противный писк, и я не сразу понял, что это мой внутренний голос причитает «Не убивайте, пожалуйста, не убивайте, пожалуйста!».

«Я не умру здесь, – пообещал я себе. – Я слишком нужен этому миру, чтобы отдать концы в Индиане».

Но мои подкашивающиеся ноги и стучащие зубы, кажется, не были в этом уверены.

– У кого есть идея? – обратился я к своим соратникам. – Прошу, любая блестящая идея!

При взгляде на Калипсо становилось ясно, что сейчас ее самая блестящая идея – сдержать рвотные позывы. Лео поднял свой степлер, которым, по всей видимости, блеммий было не запугать.

Из толпы вышла наша старая знакомая Нанетт, улыбаясь всем животом. Ее кожаные лакированные туфельки никак не

вязались со светлой шерстью на ногах.

– Тьфу ты, про́пасть! Дорогие мои, вы задели мои чувства! – Она схватилась одной рукой за ближайший дорожный знак и с легкостью выдернула его из земли. – А теперь, пожалуйста, постойте спокойно. Я сейчас разmozжу вам головы этой штукой.

3

*Последнее шоу
Гвоздь программы – дамочка,
Которая всех убила*

Я уже был готов действовать по плану «Омега» – то есть пасть на колени и молить о пощаде, – но Лео спас меня от этого унижения.

– Бульдозер, – прошептал он.

– Это кодовое слово? – не понял я.

– Нет. Я хочу подобраться к бульдозеру. А вы отвлеките металлистов.

Он повесил на меня Калипсо.

– Ты с ума сошел?! – прошипела она.

Лео бросил на нее быстрый взгляд, как бы говоря: доверься мне и отвлеките их! А затем осторожно шагнул в сторону.

– Ах! – улыбнулась Нанетт. – Ты желаешь умереть первым, полубог-коротышка? Ты опалил меня огнем, так что это справедливо.

Что бы ни задумал Лео, я понял, что его план провалится, если он начнет препираться с Нанетт по поводу своего роста. (Лео не очень нравилось, когда его называли коротышкой.) К счастью, у меня врожденный талант привлекать к себе внимание.

– Я желаю умереть первым! – выкрикнул я.

Вся толпа повернулась ко мне. Мысленно я обругал себя за дурацкую формулировку. Ну почему я не вызвался сделать что-нибудь полегче, например испечь пирог или убрать-ся после казни?!

Я часто говорю не подумав. И обычно после этого все идет хорошо. Порой, импровизируя, мне случается создать шедевр вроде Ренессанса или бит-поколения. В этот раз надежды на такой финал было мало.

– Но прежде, – сказал я, – услышьте мою мольбу, о милосердные блеммии!

Поджаренный Лео полицейский опустил пистолет. Несколько зеленых искорок греческого огня еще теплились в его брюшной бородке.

– Что значит «услышьте мою мольбу»?

– Ну, – пожал плечами я, – по традиции следует выслушать последние слова умирающего человека... или бога, или полубога, или... как ты себя называешь, Калипсо? Титанида? Полутитанида?

Калипсо закашлялась, но звук ее кашля сильно напоминал слово «идиот».

– Аполлон имеет в виду, о милосердные блеммии, что согласно этикету перед тем, как убить нас, вы должны выслушать наши последние слова. Я уверена, вы не захотите показаться невежливыми.

Блеммии были потрясены. Они перестали мило улыбаться

и замотали механическими головами. Нанетт шагнула вперед с поднятыми руками, призывая всех к спокойствию:

– Конечно нет! Мы очень вежливые.

– Чрезвычайно вежливые, – подтвердил полицейский.

– Тогда внимайте! – воскликнул я. – Друзья, заклятые друзья, блеммии... готовьте подмышки и услышите мою печальную историю!

Лео сделал еще один шаг, держа руки в карманах пояса с инструментами. Еще шагов пятьдесят семь – пятьдесят восемь – и он будет у цели. Просто прекрасно.

– Я Аполлон! – начал я. – В прошлом я бог! Низвергнутый Зевсом с Олимпа на землю, несправедливо обвиненный в том, что начал войну с гигантами!

– Меня сейчас стошнит, – пробормотала Калипсо. – Дай мне сесть.

– Не рви мой ритм.

– А ты не рви мне барабанные перепонки. Дай мне сесть!

Я усадил Калипсо у фонтана.

Нанетт замахнулась дорожным знаком:

– Это все? Могу я теперь тебя убить?

– Нет-нет! – я замотал головой. – Я просто... э-э... посадил Калипсо, чтобы... чтобы она была моим хором. Настоящее греческое выступление не обходится без хора.

Рука Калипсо походила на раздавленный баклажан. Лодыжка распухла и нависала над кроссовкой. Я не знал, как она сможет оставаться в сознании да еще и изображать хор,

но она нервно вздохнула и кивнула:

– Готова.

– Внимайте! – сказал я. – В Лагерь полукровок вступил я как Лестер Пападопулос!

– Жалкий смертный! – подхватила Калипсо. – Подросток, бездарней которого нет.

Я бросил на нее свирепый взгляд, но не решился снова прервать выступление.

– Все препятствия я одолел с Мэг Маккаффри, подругой моей!

– Нет, с его *госпожой*! – возразила Калипсо. – Девчонкой двенадцати лет от рождения! Узрите: пред вами ничтожный раб Лестер, подросток, бездарней которого нет!

Полицейский нетерпеливо фыркнул:

– Нам все это известно. Император рассказал нам.

– Тсс! – шикнула Нанетт. – Не будь невежей.

Я положил руку на сердце:

– Мы древний оракул спасли, рощу Додоны, расстроили планы Нерона! Но, увы, Мэг Маккаффри от меня убежала. Злобный отчим ей разум смутил, отравил!

– Яд! Отравы! – вскричала Калипсо. – Как дыханье несвежее Лестера Пападопулоса, подростка, бездарней которого нет!

Я все-таки устоял перед соблазном спихнуть ее в клумбу.

Тем временем Лео подбирался к бульдозеру, изображая танцевальные иллюстрации к моей истории, кружась, взды-

хая и жестикулируя. Он походил на страдающую от галлюцинаций балерину в трусах-боксерах, но блеммии вежливо уступали ему дорогу.

– Внимайте! – крикнул я. – Оракул Додоны пророчество дал нам – самое жуткое, в форме лимерика!

– Жуткое! – поддакнула Калипсо. – Как умения Лестера, подростка, бездарней которого нет!

– Выбирай эпитеты! – буркнул я, а затем продолжил, обратившись к своим зрителям: – Мы на запад отправились к другому оракулу, по пути поразив много страшных врагов! Одолели циклопов!

Лео запрыгнул на подножку бульдозера. Он драматично вскинул степлер, а затем вонзил две скобы машинисту в грудь, прямо туда, где должны были располагаться его настоящие глаза. Это вряд ли показалось бы приятным даже такому стойкому существу, как блеммия. Машинист взвыл и схватился за грудь. Лео спихнул его с его места.

– Эй! – завопил полицейский.

– Постойте! – взмолился я. – Наш друг всего лишь изображает в лицах, как мы победили циклопов. Это допустимый повествовательный прием!

Не до конца убежденные, блеммии зашевелились.

– У тебя очень много последних слов, – пожаловалась Нанетт. – Когда мне уже можно будет размозжить тебе голову?

– Скоро, – заверил я ее. – Итак, как я сказал... мы на запад отправились!

Я поднял Калипсо на ноги: она опять расхныкалась (я тоже охнул пару раз).

– Что ты творишь?! – процедила она сквозь зубы.

– Помоги мне! – велел я. – Внимайте, недруги! Узрите наш путь!

И мы, пошатываясь, направились к бульдозеру. Руки Лео мелькали над рычагами. Двигатель с шумом заработал.

– Никакая это не история! – гаркнул полицейский. – Они убегают!

– Вовсе нет! – Я посадил Калипсо и полез вслед за ней на бульдозер. – Итак, путь наш был долог, недели...

Лео дал задний ход. *Bun! Bun! Bun!* Отвал бульдозера начал подниматься.

– Вообразите, что вы в Лагере полукровок, – крикнул я толпе, – а мы начинаем свое путешествие.

Тут я понял свою ошибку. Я попросил блеммий что-то вообразить – они же были на такое просто не способны.

– Остановить их! – Полицейский поднял пистолет.

Его первый выстрел рикошетом отскочил от металлического отвала.

– Внимайте, друзья! – воззвал я. – Готовьте подмышки!

Но мы уже исчерпали запас их вежливости. Над нашими головами пролетел мусорный бак. Бизнесмен поднял каменную вазу и бросил ее в нас, разбив окно отеля.

– Быстрее! – поторопил я Лео.

– Я пытаюсь, чувак, – пробормотал он. – Это тебе не го-

ночный автомобиль.

Блеммии приближались.

– Осторожно! – закричала Калипсо.

В последний момент Лео успел развернуть бульдозер и отбить ножом отвала кованую скамейку. К несчастью, из-за этого мы оказались открытыми для новых атак. Нанетт метнула в нас дорожный знак словно гарпун. Металлический шест воткнулся в гусеницу, из которой тут же повалил пар и во все стороны разлетелись брызги масла, и наша спасительная машина остановилась.

– Супер, – сказала Калипсо. – И что теперь?

Это был весьма подходящий момент для того, чтобы ко мне вернулась божественная сила. Я бы ринулся в битву и раскидал врагов как тряпичных кукол. Но не тут-то было: мои кости словно растаяли и стекли в ботинки. Руки тряслись так сильно, что попытайся я достать лук, вряд ли бы это у меня получилось. Ах, неужто моя блистательная жизнь оборвется здесь – под кулаками благовоспитанных безголовых американцев со Среднего Запада?!

Нанетт запрыгнула на капот бульдозера, ее ноздри оказались прямо передо мной – премерзкое зрелище. Лео попытался атаковать ее огнем, но в этот раз заставить Нанетт врасплох не удалось. Она открыла рот и проглотила огненный шар, который не причинил ей никакого вреда – только вызвал небольшую отрыжку.

– Не расстраивайтесь, дорогие мои, – проговорила она. –

Вам никогда не пробраться в синюю пещеру. Она под надежной охраной! Жаль, конечно, что вы умрете. До церемонии имянаречения осталось всего три дня, и вы с девчонкой должны были стать главными украшениями в процессии его рабов!

Я был слишком напуган, чтобы понять все, о чем она говорила. *Девчонка...* Неужели она имела в виду Мэг? Кроме этого я слышал только «синий»... «умрешь»... «раб», что в тот момент достаточно точно описывало меня.

Понимая, что это бесполезно, я все равно снял с плеча лук и начал его разворачивать. Вдруг прямо между глаз Нанетт воткнулась стрела. Она скосила глаза, пытаясь разглядеть стрелу, упала навзничь и рассыпалась в прах.

Я уставился на свое завернутое оружие. Конечно, лучник я прекрасный, но я был в полной уверенности, что еще не успел выстрелить.

Раздался резкий свист. В центре площади, прямо на фонтане, стояла женщина в выцветших джинсах и серебристом зимнем пальто. В руках у нее сверкал березовый лук, а за спиной висел полный стрел колчан.

У меня екнуло сердце при мысли о том, что моя сестра Артемида наконец-то пришла мне на помощь! Но нет... Женщине было не меньше шестидесяти, я заметил седые, собранные в пучок волосы. Артемида никогда бы не появилась в таком облике.

По причинам, которыми она со мной никогда не делилась,

Артемиду гнушалась выглядеть старше чем, скажем, на двадцать лет. Я миллион раз убеждал ее, что красота не имеет возраста. В любом модном магазине на Олимпе вам скажут, что четыре тысячи – это новая тысяча, но ей этого было не толковать.

– На тротуар! – крикнула седовласая незнакомка.

По всей площади в асфальте появились круги размером с канализационный люк. Круги разделились на лепестки, и люки раскрылись, словно ирисовые диафрагмы, из них поднялись орудийные башни с механическими арбалетами, которые завертели, посылая вокруг красные лучи лазерных прицелов.

Блеммии даже не попытались спрятаться. Может быть, они не поняли, что происходит. А может быть, ждали, пока седовласая женщина скажет «пожалуйста!».

Мне же необязательно было быть богом стрельбы из лука, чтобы понять, что случится дальше. Я потащил за собой друзей – второй раз за день. (Оглядываясь назад, не могу не признать, что это было приятно.) Мы прыгнули с бульдозера как раз в тот момент, когда в воздухе засвистели выстрелы.

Когда я осмелился поднять голову, от блеммий остались только кучки праха и одежда.

Седовласая женщина прыгнула с фонтана. Принимая во внимание ее возраст, я испугался, что она переломает себе ноги, однако она не без грации приземлилась и направилась

к нам с луком в руках.

Лицо ее испещряли морщинки, кожа под подбородком начала провисать, на тыльной стороне ладоней проступили пигментные пятна. Однако держалась она с королевским достоинством, как женщина, которая не должна никому ничего доказывать. Глаза ее сверкали словно лунные блики на воде. Отчего-то эти глаза показались мне знакомыми.

Она несколько мгновений смотрела на меня, а потом удивленно покачала головой:

– Значит, это правда. Ты Аполлон.

Это не было похоже на привычное мне «О, вау, Аполлон!». Она произнесла мое имя таким тоном, будто знала меня лично.

– М-мы знакомы?

– Ты меня не помнишь? – спросила она. – Да, вряд ли помнишь. Зови меня Эмми. А призрак, которого вы видели – Агамед. Он привел вас к нам.

Имя «Агамед» я точно где-то слышал, но, как обычно, не мог сообразить где. Мой человеческий мозг все время выдавал сообщение о том, что память переполнена и он сможет нормально работать, только когда я удалю столетие-другое воспоминаний.

Эмми перевела взгляд на Лео:

– А почему ты в трусах?

Лео вздохнул:

– Утро выдалось долгим, *abuela*³, но спасибо за помощь. У вас суперские арбалеты!

– Спасибо... Наверное.

– А может, вы сумеете и Кэл помочь? – спросил Лео. – Ей совсем плохо.

Эмми присела рядом с белой как мел Калипсо. Глаза волшебницы были закрыты, а дыхание сбивалось.

– Она тяжело ранена, – нахмурилась Эмми, взглянув на лицо Калипсо. – Как, ты сказал, ее зовут? Кэл?

– Калипсо, – пояснил Лео.

– А, – морщины на лбу Эмми стали глубже. – Теперь понятно, почему она так похожа на Зою.

Мне словно ножом по сердцу полоснули:

– Зою Ночную Тень?

Калипсо пробормотала что-то в бреду, но я не разобрал слов... может, это было имя «Ночная Тень»?

Веками Зоя была помощницей Артемиды, ее главной Охотницей. Несколько лет назад она пала в бою. Я не знал, встречались ли когда-нибудь Калипсо и Зоя, но они были сводными сестрами – дочерьми титана Атласа. Я никогда не замечал, насколько они похожи.

Я пристально посмотрел на Эмми:

– Если ты знала Зою, значит, ты из Охотниц моей сестры. Но это невозможно. Ты...

Я замолчал, чтобы не сказать «постарела и умираешь».

³ Бабуля (исп.)

Охотницы были вечно юными и бессмертными, пока не погибали в битве. Эта женщина явно была смертной. Ее жизненная энергия слабела... до боли знакомое ощущение, совсем как моя – ничего общего с аурой бессмертного существа. Не могу объяснить, как я это понял, но для меня это было очевидно – как разница между чистой и уменьшенной квинтой.

Вдалеке завывали сирены. Я вдруг осознал, что мы беседуем в зоне пусть небольшого, но бедствия. Скоро сюда сбегутся смертные или другие блеммии.

Эмми щелкнула пальцами. Все до единого арбалеты скрылись под землей. Люки закрылись и исчезли, будто их никогда не было.

– Нужно уйти с улицы, – сказала Эмми. – Пойдем, я отведу вас на Станцию.

*Не должен дом
Быть тайной для Аполлона
И кидать в него кирпичами*

Далеко идти не пришлось.

Таща Калипсо между собой, мы с Лео поплелись за Эмми к изысканному зданию на южной стороне площади. Как я и думал, когда-то здесь был железнодорожный вокзал. Под круглым окном красовались выбитые в граните буквы «Юнион-Стейшн».

Эмми не пошла к главному входу. Она свернула влево, остановилась у стены и провела рукой между кирпичами, очерчивая дверной проем. Цемент с хрустом разошелся, стена сдвинулась внутрь, и перед нашим взором явилась узкая шахта вроде дымохода и железные кольца-ступени, ведущие вверх.

– Ловко! – похвалил Лео. – Только Калипсо не сможет карабкаться.

Эмми нахмурилась.

– Ты прав. – Она повернулась к проему в стене: – Станция, дай нам, пожалуйста, пандус.

Металлические кольца исчезли. Раздался приглушенный рокот, и внутренняя стена шахты стала клониться назад,

кирпичи начали сами собой перестраиваться, и скоро перед нами уже был пандус, идущий под небольшим углом вверх.

– Ого! – изумился Лео. – Ты что, попросила его у здания?

Улубка мелькнула в уголках губ Эмми:

– Станция – это не просто здание.

После этих слов пандус перестал казаться мне таким уж замечательным.

– Она живая? Как Лабиринт? И ты хочешь, чтобы мы вошли внутрь?

У Эмми однозначно был взгляд Охотницы. Только последовательницы моей сестры осмеливались бросать на меня такие мерзкие презрительные взгляды.

– Станция не творение Дедала, владыка Аполлон. Здесь совершенно безопасно... пока вы наши гости.

По ее тону стало понятно, что я тут на испытательном сроке. Сирены позади нас стали громче. Дыхание Калипсо становилось все тяжелее. Особого выбора у нас не оставалось, и мы вошли внутрь вслед за Эмми.

Появилось освещение: по стенам висели бронзовые канделябры с горящими теплым желтым пламенем свечами. Когда мы прошли по пандусу футов двадцать, в стене слева открылась дверь. За ней обнаружился медблок, оснащению которого позавидовал бы даже мой сын Асклепий: медицинский шкаф, заполненный лекарствами, хирургическими инструментами, ингредиентами для приготовления микстур; медицинская кровать со встроенными мониторами, графиче-

ческой панелью управления и подъемником для пациентов. На полках вдоль стены, рядом с портативным аппаратом МРТ, сушились целебные травы. В дальнем углу в террариуме за стеклом шевелился клубок ядовитых змей.

– Ничего себе! – восхитился я. – Да у вас тут суперсовременный медблок!

– Да, – подтвердила Эмми. – Станция говорит, что вашей подруге требуется немедленная медицинская помощь.

– Хочешь сказать, эта комната *только что* здесь появилась? – спросил Лео, заглянув в дверь.

– Нет, – ответила Эмми. – То есть да. Она всегда была здесь, но... ее легче найти, когда в ней есть нужда.

Лео кивнул с задумчивым видом:

– А как думаешь, станция может навести порядок в моем ящике с носками?

С потолка сорвался кирпич и со стуком упал ему под ноги.

– Это значит «нет», – пояснила Эмми. – А теперь позвольте мне заняться вашей подругой.

– М-м... – Лео указал на террариум. – У вас тут змеи. Это я так, к слову.

– Я позабочусь о Калипсо, – пообещала Эмми. Она забрала у нас волшебницу, подняв ее на руки без видимого труда. – А вы идите. Наверху вас встретит Джо.

– Джо? – переспросил я.

– Вы ее узнаете, – пообещала Эмми. – Она расскажет о Станции лучше, чем я.

Она внесла Калипсо в медпункт, и дверь закрылась.

– Змеи? – хмуро посмотрел на меня Лео.

– О да! – отозвался я. – Недаром змея, обвинявшаяся вокруг посоха, является символом медицины. Яд был одним из первых лекарств.

– Да что ты?! – Лео посмотрел под ноги. – Как думаешь, можно я хоть кирпич себе возьму?

Коридор зарокотал.

– Я бы не стал, – посоветовал я.

– Да уж, пусть лежит.

Мы прошли еще немного, и справа от нас снова открылась дверь.

За ней была детская комната. Солнечные лучи пробивались сквозь розовый тюль и падали на деревянный пол. Уютная кровать была завалена мягкими одеялами, подушками и плюшевыми зверушками. Стены цвета яичной скорлупы кто-то решил использовать как холст для рисования мелками, на них красовались схематичные человечки, деревья, домики, резвились какие-то звери: не то собаки, не то лошади, не то ламы. На левой стене, напротив кровати, нарисованное мелками солнце, улыбаясь, глядело на веселую цветочную поляну. Посреди поляны стояла девочка, а по бокам от нее – две фигуры побольше, родители, – все трое были нарисованы в стиле «палка-палка-огуречик» и держались за руки.

Художества на стене напомнили мне о пещере Рейчел Элизабет Дэр в Лагере полукровок. Ей, моему Дельфийско-

му оракулу, нравилось расписывать стены пещеры сценами из своих видений... правда, только до того момента, как ее покинул дар прорицания. (Я тут ни при чем. Это все Пифон, полоз-переросток.)

Большинство картинок в этой комнате мог бы нарисовать ребенок лет семи-восьми. Но на дальней стене, в самом углу, это юное дарование решило сурово покарать нарисованный мир – теперь на него надвигалась накаляканная буря. Хмурые человечки грозили ламам треугольными ножами. Темные загогулины перечеркнули трехцветную радугу. На зеленой полянке был нацарапан черный круг, похожий на пруд... или на вход в пещеру.

Лео попятился:

– Не знаю, чувак. По-моему, нам не стоит сюда заходить.

Мне стало интересно, почему Станция показала нам эту комнату. Кто живет здесь? Точнее... кто *жил* здесь? Несмотря на веселые розовые занавески и аккуратно заправленную кровать, заваленную мягкими игрушками, комната казалась нежилой, как музей.

– Пошли дальше, – согласился я.

Наконец мы дошли до конца пандуса и оказались в зале, похожем на собор. Над нашими головами изгибался цилиндрический свод, украшенный деревянной резьбой, в центре сиял витраж: зеленые и золотые стекла складывались в геометрический узор. На дальней стене было окно-розетка, которое я видел снаружи. Его тень на раскрашенном цемент-

ном полу была похожа на гигантскую мишень для игры в дартс. Наверху, вдоль левой и правой стены, тянулись галереи с коваными перилами и изящными викторианскими светильниками. За перилами располагались двери в другие помещения. Полдюжины лестниц тянулись к потолку с изысканной лепниной, а под ним проходил широкий выступ, на котором была навалена солома и устроено что-то вроде нэста для огромных куриц. В зале пахло какой-то живностью... но не как в курятнике, а скорее как в собачьей конуре.

В одном из углов главного зала сверкала профессионально оборудованная кухня, настолько большая, что на ней можно было провести сразу несколько кулинарных поединков со звездами. Повсюду стояли диванчики и удобные кресла. Центральное место занимал массивный обеденный стол, сработанный вручную из красного дерева, за которым могли разместиться двадцать человек. Под окном-розеткой кто-то устроил кучу разных мастерских. Тут вперемежку стояли циркулярные, сверлильные и токарные станки, печи для обжига керамики, кузнечные горны, 3D-принтеры, швейные машины, котлы и еще какое-то промышленное оборудование – названий всех приспособлений я не знаю. (Не судите меня строго. Я все-таки не Гефест.)

У сварочной станции стояла мускулистая женщина в железной маске, кожаном фартуке и перчатках. Стоило ее горелке коснуться металлического листа – и вокруг фонтаном рассыпались искры.

Уж не знаю, как она нас заметила. Может, Станция бросила ей под ноги кирпич, чтобы привлечь ее внимание. Как бы там ни было, женщина посмотрела в нашу сторону, включила горелку и подняла маску.

– Чтоб меня! – хохотнула она. – Неужто Аполлон?!

Она сбросила защитное снаряжение и зашагала к нам. Как и Эмми, ей было за шестьдесят, но если Эмми отличало телосложение бывшей гимнастки, то эта женщина была сложена как боец. Выцветшая рубашка поло розового цвета плотно облегла ее широкие плечи и темные мускулистые руки. Из карманов джинсового комбинезона торчали гаечные ключи и отвертки. Седые волосы, подстриженные «ежиком», контрастировали с ее темно-коричневой кожей и блестели как иней.

Она протянула руку и сказала:

– Вы, наверное, не помните меня, владыка Аполлон. Я Джо. Или Джози. Или Джозефина. Как вам будет угодно.

Называя каждый новый вариант своего имени, она сжимала мне руку все сильнее. Я бы не рискнул соревноваться с ней в армрестлинге (зато готов поспорить, что с такими толстыми пальцами она не смогла бы так же виртуозно, как я, играть на гитаре, так что *выкуси!*). Ее лицо с квадратным подбородком могло бы показаться устрашающим, если бы не веселые сверкающие глаза. Губы у нее подрагивали, будто она вот-вот рассмеется.

– Да, – пропищал я. – То есть нет. Боюсь, я не помню.

Позвольте представить: это Лео.

– Лео! – она радостно вцепилась в его руку. – А я Джо.

Вокруг было столько людей, чьи имена заканчивались на «о» – Джо, Лео, Калипсо, – словно все решили передразнивать английский вариант моего имени: Аполло. Слава богам, что мы были не в Огайо, а дракона нашего звали не Фесто.

– Я буду звать тебя Джозефиной, – решил я. – Красивое имя.

– Идет, – пожала плечами Джозефина. – А где ваша подруга Калипсо?

– Постой, – удивился Лео, – откуда ты знаешь про Калипсо?

Джозефина приложила палец к левому виску:

– Станция держит меня в курсе событий.

– О-о! – округлил глаза Лео. – Круто!

Но я бы так не сказал. Обычно, если кто-то сообщал мне, что с ним разговаривает здание, я старался побыстрее сбежать. Но, как это ни прискорбно, я понимал, что Джозефина говорит правду. Более того, я подозревал, что ее помощь и гостеприимство нам необходимы.

– Калипсо в медпункте, – объяснил я. – Она руку сломала. И ногу.

– Ясно, – глаза Джозефины потускнели. – Точно, вы же встретились с нашими соседями.

– Ты хотела сказать – с блеммиями. – Я представил, как они по-соседски заходят сюда одолжить торцевой ключ,

предложить герлскаутское печенье или убить кого-нибудь. – С ними, наверное, много проблем?

– До недавнего времени проблем не было, – вздохнула Джозефина. – Блеммии по своей природе довольно безобидны, особенно если быть с ними повежливей. Организовать нападение – задачка не для их воображения. Но с прошлого года...

– Дай угадаю, – перебил я. – В Индианаполисе новый император?

На лице Джозефины промелькнуло раздражение, и я понял, что будет, если ее разозлить (подсказка: будет больно).

– Лучше не будем говорить об императоре без Эмми и вашей подруги, – сказала она. – Эмми может меня успокоить, а если ее не будет рядом... я выйду из себя.

Я кивнул. Выводить Джозефину из себя и впрямь не лучшая идея.

– Но здесь-то нам ничего не грозит?

Лео поднял ладонь кверху, проверяя, не пойдет ли дождь из кирпичей.

– Я тоже хотел об этом спросить. Мы ведь... вроде как привели к вашему порогу разъяренную толпу.

– Не волнуйтесь, – отмахнулась Джозефина. – Приспешники императора который месяц нас ищут. Только вот без нашего приглашения отыскать Станцию очень непросто.

– Правда? – Лео топнул ногой по полу. – А кто ее построил, вы? Здесь так круто!

– Если бы я! – усмехнулась Джозефина. – Ее создал полубог, куда более талантливый архитектор, чем я. Она была построена в 1880-е годы, на заре существования трансконтинентальной железной дороги. Станция служила убежищем для полубогов, сатиров, Охотниц – для всех, кому могло потребоваться укрытие в стране. А теперь нам с Эмми выпало счастье стать ее хранительницами.

– И никто не удосужился рассказать мне об этом месте, – проворчал я.

– Ну... мы стараемся не привлекать к себе внимания. Приказ госпожи Артемиды. Информировать только тех, кому положено знать.

Я был богом, а значит, мне точно было положено знать обо всем, но Артемиды имела страсть к тайнам. Она вечно перестраховывалась на случай конца света, хранила что-нибудь в секрете от других богов, будь то припрятанные запасы, бункеры или маленькие государства.

– Я так понимаю, что теперь здесь уже не вокзал. Каким смертные видят это место?

Джозефина улыбнулась:

– Станция, будь добра, сделай пол прозрачным.

Раскрашенный цементный пол под нашими ногами исчез. Я отпрыгнул, будто наступил на горячую сковородку, но оказалось, что на самом деле пол никуда не делся. Он просто стал невидимым. Все, что было вокруг нас – ковры, мебель, мастерские с инструментами, – парило на высоте двух яру-

сов над настоящим полом главного зала, в котором сейчас были расставлены банкетные столы для какого-то торжества.

– Мы занимаем только верхнюю часть зала, – пояснила Джозефина. – Внизу раньше был главный вестибюль вокзала. Теперь смертные арендуют это место и проводят здесь свадьбы, праздники и всякие другие мероприятия. Если они посмотрят наверх...

– Активный камуфляж, – догадался Лео. – Они видят потолок, но не видят вас. Класс!

Явно польщенная, Джозефина кивнула:

– По большей части здесь тихо, хотя в выходные народ шумит. Если я еще хоть раз услышу, как музыканты на свадьбе играют «Мысли вслух»⁴, я сброшу на них наковальню.

Она указала рукой на пол, и он снова стал непрозрачным цементом.

– А теперь, если не возражаете, я должна закончить часть нового проекта. Нужно сварить металлические пластины, пока они не остыли. А потом...

– Ты ведь дочь Гефеста? – спросил Лео.

– Нет, Гекаты.

Лео изумленно моргнул:

– Быть не может! Но ведь у тебя такая клевая мастерская...

– Моя специальность – магическая инженерия, – сказала

⁴ «Мысли вслух» (англ. Thinking Out Loud) – песня британского музыканта Эда Ширана.

Джозефина. – Мой отец – смертный – был механиком.

– Класс! – обрадовался Лео. – У меня мама работала механиком! Слушай, а можно я поработаю за твоим металло-режущим станком? Мой дракон остался у Капитолия и...

– Кхм! – вмешался я. Мне, конечно, хотелось вернуть Фестуса, но вряд ли чемодану, который практически невозможно уничтожить или даже просто открыть, сейчас грозит какая-то опасность. Кроме того, если бы они продолжали болтать, то вскоре подружались бы на почве любви к фланцевым болтам, а я бы умер со скуки. – Джозефина, ты говорила, что, когда закончишь...

– Точно, – кивнула она. – Дайте мне пару минут. А потом я провожу вас в гостевые комнаты и, может быть, найду для Лео что-нибудь... э-э... из одежды. Увы, рук у нас сейчас не хватает.

Почему, интересно, «увы» – подумал я. Но затем вспомнил о детской комнате без хозяйки. Интуиция подсказывала мне, что лучше мне промолчать на этот счет.

– Спасибо за помощь, – поблагодарил я Джозефину. – Я одного не понимаю. Ты говоришь, что Артемиде известно об этом месте. А вы с Эмми Охотницы – или бывшие Охотницы?

Мышцы на шее Джозефины, под воротником ее поло, напряглись.

– Бывшие.

Я нахмурился. Последовательницы моей сестры всегда ка-

зались мне чем-то вроде девичьей мафии. Если попадешь туда, назад дороги нет, разве что в симпатичном серебряном гробике.

– Но...

– Долгая история, – перебила меня Джозефина. – Пусть лучше Гемифея расскажет.

– Гемифея?!

Это имя поразило меня не меньше, чем удар кирпичом. От изумления лицо у меня вытянулось, и я подумал, что оно вот-вот сползет на грудь, как у блеммии. Я вдруг понял, почему Эмми показалась мне такой знакомой. Неудивительно, что я чувствовал себя неловко.

– Эмми! Полное имя Гемифея! Та самая Гемифея?!

Джозефина посмотрела по сторонам:

– Ты что, правда не знал? – Она указала пальцем себе за спину. – Ну что ж... пойду займусь сваркой. Возьмите на кухне что-нибудь выпить и перекусить. Не стесняйтесь. – И она торопливо пошла к станкам.

– Обалдеть! – пробормотал Лео. – Она крута!

– Гм...

– Гемифея когда-то была твоей девушкой или что? Когда ты слышал ее имя, у тебя было такое лицо, как будто кто-то пнул тебя между ног.

– Лео Вальдес, за четыре тысячи лет никто даже помыслить не мог о том, чтобы пнуть меня между ног. Если ты имел в виду, что я немного удивился, то могу объяснить:

я знал Гемифею в те времена, когда она была царевной в Древней Греции. Между нами никогда ничего не было. Но именно я даровал ей бессмертие.

Лео покосился на мастерскую, где Джозефина снова взялась за сварку:

– Я думал, все Охотницы становятся бессмертными, когда приносят присягу Артемиде.

– Ты не понял, – сказал я. – Я даровал ей бессмертие до того, как она стала Охотницей. Если хочешь знать, я сделал ее богиней.

5

*Хочешь историю?
Или просто я в корчах
Свалюсь на диван*

Лео, конечно, должен был сесть у моих ног и с восхищением выслушать мою историю.

Вместо этого он рассеянно махнул рукой в сторону мастерской:

– Ладно, как скажешь. Пойду гляну на кузнечный горн.
Он бросил меня одного.

Ох, эти современные полубоги! Все время сидят в социальных сетях, и как результат – никудышная концентрация внимания. Если вам не найти время на то, чтобы послушать, как вещает бог, – что ж, мне вас очень жаль.

К сожалению, история требовала, чтобы я о ней вспомнил. Голоса, лица и чувства из прошлого – то, что случилось три тысячи лет назад, – с такой силой ворвались в мой разум, что я едва устоял на ногах.

В течение тех недель, что длился наш путь, подобные видения посещали меня очень уж часто. Возможно, несовершенные человеческие нейроны просто пытались справиться со всем, что хранила моя божественная память. А возможно, это Зевс наказывал меня, насылая яркие воспоминания о са-

мых выдающихся моих провалах. Как бы то ни было, собрав последние силы, я добрался до ближайшего дивана и рухнул на него без чувств.

В какой-то момент я смутно увидел Лео и Джозефину у сварочной станции; они обсуждали новый проект Джозефины: она – в защитном костюме, он – в трусах-боксерах. Моих мучений они, похоже, не замечали.

А затем на меня нахлынули воспоминания.

Я парил над древним Средиземноморьем. До горизонта расстилалась голубая сверкающая водная гладь. Прямо под мной из воды вздымались утесы Наксоса, словно гигантский кит раскрыл пасть и обнажил свой ус. Примерно в трехстах ярдах от берега раскинулся город. Оттуда со всех ног бежали две юные девушки, которых вооруженная толпа гнала к самому краю утеса. Их белоснежные одежды развевались, ветер трепал их длинные темные волосы. Камни впивались в босые ноги, но девушки, похоже, этого даже не замечали. Загорелые, грациозные, они явно привыкли бегать на свежем воздухе – но сейчас они бежали прямо к обрыву.

Во главе преследователей, громко крича и размахивая ручкой от глиняного кувшина, бежал грузный человек в красном. На лбу у него блестела золотая корона, а в седой бороде виднелись засохшие подтеки вина.

Я вспомнил его имя: Стафил, царь Наксоса. Полубог, сын Диониса, он унаследовал все худшие черты отца, но вот умения расслабляться от своего весельчака-папаши не перенял.

И теперь в пьяном угаре он вопил, что дочери разбили амфору с его лучшим вином и, ясное дело, за это они должны поплатиться жизнью.

– Я убью вас обеих! – орал он. – Разорву на куски!

Нет, ну поймите... одно дело, если бы девочки разгрохали скрипку Страдивари или сломали позолоченную губную гармошку – тогда я бы понял его ярость. Но кувшин вина?!

Девушки бежали, призывая на помощь богов.

Обычно такие вещи меня особо не трогали. Люди все время молили богов о помощи. И почти никогда не предлагали ничего интересного взамен. Я бы, наверное, пролетел над ними, подумав лишь: «Надо же, как жалко! Ой! Наверное, им было больно» – и вернулся к своим делам.

Но в тот день я не просто так пролетал над Наксосом. Я спешил к умопомрачительной красоте Рео – старшей дочери царя, – в которую тогда был влюблен.

Но среди беглянок ее не было, в девушках я узнал младших сестер Рео – Парфенос и Гемифею. И тем не менее Рео вряд ли обрадовалась бы, если бы я, торопясь к ней на свидание, обрек ее сестер на верную смерть. «Привет, крошка! Я тут видел, как твоих сестер сбросили с обрыва и они разбились насмерть. Сходим куда-нибудь? В кино, например?»

Но помочь девочкам против воли их отца и на глазах целой толпы свидетелей – это уже тянуло на божественное вмешательство. Пришлось бы заполнять кучу бумажек, причем мойры потребовали бы каждую в трех экземплярах.

Пока я размышлял, Парфенос и Гемифея добежали до обрыва. Они явно понимали, что бежать им некуда, но продолжали нестись так же быстро.

– Помоги нам, Аполлон! – крикнула Гемифея. – Вверяем тебе нашу судьбу!

А затем, взявшись за руки, сестры спрыгнули с обрыва.

Вот это проявление веры – у меня просто дух захватило!

После того как они доверили мне свою жизнь, разве мог я позволить им расшибиться в лепешку? Что, Гермес? Конечно, он вполне мог позволить им умереть. Он бы решил, что это будет просто умора. Гермес горазд на такие извращенные шутки. Но Аполлон? Нет. Столько смелости и пафоса! Ну как я мог не откликнуться? Не успели Парфенос и Гемифея коснуться воды, как я простер над ними руку и ударил их могучим разрядом, вживив в них частицу своей божественной силы. О, как вы, должно быть, завидуете этим девушкам! Растворившись на мгновение в золотой вспышке, ощущая внутри себя теплое покалывание новообретенной силы, они взмыли вверх в облаке мерцающих искр, достойных феи Динь-Динь.

Сделать кого-то богом не так уж и просто. Согласно общему правилу, силу можно перераспределять, а значит, теоретически любой бог может создать нового бога, но менее могущественного, чем он сам. Однако для этого требуется пожертвовать частью своей божественности – того, что делает тебя самым собой, поэтому не многие смертные достаива-

ются такого дара. Обычно мы создаем только младших богов и богинь. Именно так я и поступил с Парфенос и Гемифея: стандартный пакет, включающий бессмертие и еще кое-какие примочки. (Правда, я добавил еще и расширенную гарантию, ведь я щедрая душа.)

Сияя от счастья, Парфенос и Гемифея подлетели ко мне.

– Спасибо, владыка Аполлон! – сказала Парфенос. – Тебя послала госпожа Артемида?

Улыбка моя потускнела:

– Артемида?

– Наверняка она! – воскликнула Гемифея. – Падая, я взмолилась: «Помоги нам, Артемида!»

– Нет, – возразил я. – Ты крикнула: «Помоги нам, Аполлон!»

Девушки переглянулись.

– Э-э... нет, владыка, – проговорила Гемифея.

Я был уверен, что слышал свое имя. Оглядываясь назад, я засомневался, слышал ли я это на самом деле или просто предположил, что девушка звала меня. И вот ты превратил двух девушек в бессмертных богинь, а они говорят, что молились вовсе не тебе... Неловкая ситуация!

– Но это и не важно! – прошептала Гемифея. – Мы у тебя в неоплатном долгу, и теперь мы можем следовать за стремлением своего сердца!

Я рассчитывал, что она скажет «Вечно служить Аполлону и приносить ему теплые полотенца с ароматом лимона перед

каждой трапезой!».

Но Парфенос произнесла:

– Да, мы станем Охотницами Артемиды! Благодарю тебя, Аполлон!

Воспользовавшись своей новой божественной силой, они тут же испарились, а я остался один-одинешенек перед толпой разъяренных орущих наксосиан, грозящих морю кулаками.

И знаете, что хуже всего? Не прошло и недели, как их сестра Рео бросила меня!

Столетия спустя я пару раз видел Гемифею и Парфенос в свите Артемиды. Мы старались избегать друг друга. Превратив их в богинь, я поступил великодушно, но писать об этом песни мне совсем не хотелось.

Видение изменилось, образы плавно перемешались, словно блики света, проникавшего на Станцию через окно-розетку.

Я оказался в просторной квартире, отделанной золотом и белым мрамором. За стеклянными стенами и террасой раскинулся Манхэттен: глубокие ущелья между скалами небоскребов, залитые полуденным солнцем.

Место было мне знакомо. Каждое мое видение, каким бы оно ни было, заканчивалось этой кошмарной сценой.

На золоченой кушетке возлежал император Нерон во всем своем жутком великолепии. На нем был лиловый костюм, нежно-голубая рубашка и остроносые ботинки из крокоди-

льей кожи. На брюхо себе он поставил блюдо клубники и отправлял ягоды в рот одну за другой, оттопырив мизинец, чтобы лучше было видно украшающее его кольцо с бриллиантом в сто карат.

— Мэг, — он печально покачал головой. — Дорогая Мэг! Что же ты не радуешься? Это твой шанс искупить свою вину, моя дорогая. Ты ведь меня не разочаруешь?

Голос его был мягким и нежным, будто густой снег, который заваливает все кругом, обрывает линии электропередачи, обрушает крыши, обрекая на гибель целые семьи.

Стоящая перед императором Мэг Маккаффри своим видом напоминала увядшее растение. Волосы, подстриженные в стиле «паж», безжизненно висели у ее лица, плечи под зеленым платьем поникли, коленки, обтянутые желтыми легинсами, подогнулись, она равнодушно пинала мраморный пол ногой в красном высоком кеде. Мэг опустила лицо, но я заметил, что ее очки «кошачий глаз» были по-прежнему разбиты, как и в нашу последнюю встречу, а стразы в их уголках заклеены скотчем.

Съездившаяся под тяжелым взглядом Нерона, она казалась совсем маленькой и беззащитной. Мне хотелось кинуться к ней. Хотелось швырнуть блюдо с клубникой в рожу с безвольным подбородком и бороденкой, в рожу, которую Нерон именовал своим лицом. Увы, я мог лишь наблюдать, понимая, что передо мной разыгрываются события прошлого. За последние недели эта сцена не раз являлась мне в ви-

дениях.

Мэг не произнесла ни слова, но Нерон кивнул, будто услышал ответ.

– Отправляйся на запад, – велел он ей. – Схвати Аполлона прежде, чем ему удастся найти следующий оракул. Если не сможешь привести его ко мне живым – убей.

Он согнул отягощенный бриллиантом мизинец, и один из императорских стражей, стоящих у него за спиной, вышел вперед.

Как все германцы, он был огромен. Из-под кожаной брони выпирали мускулистые руки, длинные русые волосы были взлохмачены, а суровое лицо, и без того устрашающее, казалось еще ужаснее в сочетании с татуировкой змеи, которая обвивалась вокруг шеи германца и заползала ему на правую щеку.

– Это Вортигерн, – сказал Нерон. – Он обеспечит тебе... безопасность.

Его тон намекал на то, что у слова «безопасность» есть множество значений, и ни одно из них не обещало ничего хорошего.

– Тебя будет сопровождать еще один член Императорского Дома – на тот случай, если возникнут... м-м... трудности.

Нерон снова согнул мизинец. Из тени под лестницей выступил паренек, который, судя по виду, был как раз из тех, кто обожает шастать по теням. Глаза мальчишки были завешаны темными волосами. Он был в широких черных штанах

и черной майке (хотя накачанными мышцами похвастаться не мог). На шее у парня болталось столько золотых украшений, что он бы легко смог сойти за молодежную поп-звезду. На ремне болтались три кинжала в ножнах, два справа и один слева. Хищный блеск в глазах говорил о том, что оружие он носит не рисовки ради. Вообще он был очень похож на Нико ди Анджело, сына Аида, только старше и злее (можно было подумать, что его взрастило семейство шакалов).

– А, Марк, отлично, – проговорил Нерон. – Покажи Мэг, куда вы отправитесь.

Марк натянуто улыбнулся, протянул ладонь, и над кончиками его пальцев засветился образ – панорама города, в котором я узнал Индианаполис.

Нерон отправил в рот очередную ягоду. Он жевал ее медленно, смакуя, струйка сока потекла по его слабому подбородку.

Я решил, что если когда-нибудь вернусь в Лагерь полукровок, уговорю Хирона выращивать вместо клубники чернику.

– Мэг, моя дорогая, – произнес Нерон, – я желаю тебе успеха. Уж не подведи меня. Если ты снова разозлишь Зверя... – он бессильно пожал плечами, в его голосе звучали искренность и забота, – не знаю, сумею ли я тебя тогда защитить. Найди Аполлона. Подчини его своей воле. Я знаю, ты справишься. И дорогая моя, прошу тебя, будь осторожна при дворе нашего друга, Нового Геркулеса. Он не столь об-

ходителен, как я. Пусть тебя не обманывает его стремление уничтожить Дом Сетей. Это все пустое. Поскорее выполни задание и возвращайся ко мне, – Нерон развел руки в стороны. – И мы снова станем счастливой семьей.

Марк открыл рот, вероятно желая отпустить шпильку, но вместо его голоса в видение ворвался голос Лео Вальдеса: – Аполлон!

Я схватил ртом воздух. Оказалось, я лежу, распластавшись, на диване на Станции. Надо мной с озабоченным видом склонились хозяйки – Джозефина и Эмми – вместе с Лео и Калипсо.

– Мне... мне приснился сон, – слабой рукой я указал на Эмми. – В нем была ты. И... нет, остальных не было, но...

– Сон? – Лео, на котором теперь был заляпанный комбинезон, покачал головой. – Чувак, у тебя глаза были открыты. Ты лежал тут и весь такой дергался. Раньше у тебя были видения – но чтоб такое!

Я заметил, что у меня дрожат руки, и схватился правой за левую, но от этого стало только хуже.

– Там было кое-что новое, или просто я раньше не помнил этих подробностей. Про Мэг. И императоров. И...

Джозефина погладила меня по голове словно какого-то кокер-спаниеля.

– Ты хорошо себя чувствуешь, солнышко? Вид у тебя совсем не лучезарный.

В былые времена я бы поджарил любого, кто назвал меня

«солнышком». После того как бог-титан Гелиос передал мне управление солнечной колесницей, Арес еще несколько веков дразнил меня «солнышком». Это была одна из немногих шуток, которые он понимал (я сейчас о приличных шутках).

– Я в норме, – огрызнулся я. – Ч-что происходит? Калипсо, ты что, уже поправилась?

– Вообще-то ты пролежал в отключке несколько часов, – она подняла руку, которая еще недавно была сломана, а теперь выглядела вполне здоровой, и пошевелила пальцами. – Но да. По части целительства Эмми может бросить вызов самому Аполлону.

– Обязательно было это говорить? – проворчал я. – Значит, я мучился тут несколько часов, а никто из вас и не заметил?

Лео пожал плечами:

– Заболтались на профессиональные темы. Может, мы бы так и не заметили, что с тобой, но тут кое-кто хочет с тобой поговорить.

– Угу, – подтвердила Калипсо, встревоженно глядя на меня. – Он очень настаивал.

Она указала на окно-розетку. Сначала я подумал, что у меня в глазах мелькают оранжевые пятна. Затем видение начало приближаться. Наш друг Агамед, безголовый призрак, вернулся.

6

*О магический шар
Никудышний пророк
А у Лео уши горят*

Призрак подплыл к нам. Конечно, понять, в каком он настроении, без головы было сложно, но мне он показался взволнованным. Он указал на меня, а затем выдал какие-то непонятные мне жесты: замахал кулаками, сцепил пальцы и сложил руки «чашкой», словно держал какой-то шар. Наконец он замер у противоположного края кофейного столика.

– Ты чего, Сырок? – спросил Лео.

– *Сырок?! –* хохотнула Джозефина.

– Ну, он ведь оранжевый, – объяснил Лео. – Кстати, почему? И почему он без головы?

– Лео, – одернула его Калипсо.

– А что, уже и спросить нельзя?

Эмми посмотрела на то, как призрак машет руками, и сказала:

– Никогда не видела, чтобы он так волновался. Он светится оранжевым, потому что... Да я и сама не знаю почему. А что до головы...

– Его брат отрезал ему голову, – вставил я. В темных глубинах моей человеческой памяти забрезжило ка-

кое-то воспоминание, хотя подробности ухватить мне не удалось. – Агамед был братом Трофония, духа Темного оракула. Он... – почему-то воспоминание об этом наполнило меня чувством вины, но, что было тому причиной, я понять не мог.

Все уставились на меня.

– Что-что сделал его брат?! – переспросила Калипсо.

– Откуда ты знаешь? – удивилась Эмми.

Мне было нечего ответить. Я и сам не понимал, откуда в моей голове взялось это знание. Но призрак указал на меня, словно хотел сказать «Чувак знает что к чему», или, возможно (и это тревожило меня куда сильнее) его жест значил «Это ты виноват!». А потом он снова сложил руки так, будто держал шар.

– Он просит магический шар, – поняла Джозефина. – Я сейчас, – сказала она и побежала в мастерскую.

– Магический шар? – Лео, на комбинезоне которого значилось «ДЖОРДЖИ», улыбнулся Эмми. – Она ведь пошутит?

– Да нет, она убийственно серьезна, – ответила Эмми. – Э-э... так сказать. Давайте сядем.

Калипсо и Эмми заняли кресла. Лео плюхнулся на диван рядом со мной, весело подпрыгивая на пружинах, и я снова с тоской подумал о Мэг Маккаффри. Пока мы ждали Джозефину, я постарался выцедить из памяти хоть каплю сведений об этом призраке, Агамене. С чего бы Трофонию отрезать

голову брату, и почему я чувствую себя таким виноватым? Но ничего не вышло – я ощутил лишь какую-то неловкость да почувствовал, что, хотя у него и не было глаз, Агамед сейчас смотрит именно на меня.

Наконец вернулась Джози. В одной руке у нее был черный пластмассовый шар величиной с медовую дыню. На боку шара был нарисован белый круг с восьмеркой в середине.

– Обожаю эти штуки! – воскликнул Лео. – Я их не видел уже лет сто.

Я бросил грозный взгляд на шар, опасаясь, что это бомба – иначе с чего бы Лео так радоваться?

– Зачем он нужен?

– Ты шутишь?! – изумился Лео. – Это ж магический шар, чувак. У него можно спросить о будущем.

– Ерунда, – отрезал я. – Я бог прорицаний, мне известны все виды гаданий, но я никогда не слышал ни о каком магическом шаре.

Калипсо наклонилась вперед:

– Я тоже не знаю такого волшебства. Как это работает?

Джозефина улыбнулась:

– Ну, вообще это была игрушка. Его нужно потрясти, и в этом маленьком окошке внизу всплывет ответ. Но я немного его усовершенствовала. Иногда магический шар улавливает мысли Агамеда, и мы можем их прочесть.

– Иногда? – переспросил Лео.

– Примерно в тридцати процентах случаев, – пожала пле-

чами Джозефина. – Это лучшее, чего я смогла добиться.

Я по-прежнему не понимал, о чем она говорит. Магический шар показался мне весьма сомнительным способом гадания, скорее одной из Гермесовых азартных игр, чем оракулом, достойным моей особы.

– Может, будет быстрее, если Агамед просто напишет то, что хочет сказать? – предложил я.

Эмми бросила на меня предупреждающий взгляд:

– Агамед не умеет писать. И это для него больной вопрос.

Призрак повернулся ко мне. Его аура стала цвета кровавого апельсина.

– А-а... – протянул я. – А что насчет жестов?

– Его жестового языка мы не понимаем, – ответила Джо. – Мы пытались научиться с тех самых пор, как семь лет назад Агамед появился у нас. Но магический шар – наш лучший способ общения. Лови, дружище! – Она бросила ему шар.

Я думал, что шар пролетит сквозь бесплотное тело Агамеда и разобьется о пол. К моему удивлению, Агамед ловко его поймал.

– Отлично! – сказала Джозефина. – Итак, Агамед, что ты хотел нам сказать?

Призрак с силой потряс волшебный шар и бросил его мне. Я не ожидал, что шар окажется наполнен жидкостью, а с такими предметами управляться совсем не просто – и это подтвердит любой, кто пробовал выполнить трюк с подбрасыванием бутылки. Шар ударил меня в грудь и упал ко мне на

колени. Я едва успел подхватить его, прежде чем он скатится на диван.

– Божественная ловкость, – пробормотала Калипсо. – Переверни его. Ты что, не слушал?

– А ну тихо!

Вот бы и Калипсо могла разговаривать со мной только в тридцати процентах случаев! Я перевернул шар.

Как и сказала Джозефина, я увидел прозрачное пластиковое окошко, сквозь которое можно было разглядеть жидкость – а в ней плавало что-то вроде многогранной игровой кости. (Так и знал, что это одна из дурацких игр Гермеса!) Одна из граней повернулась к окошку, и на ней можно было различить слова, написанные заглавными буквами.

– «Аполлон должен вернуть ее домой», – вслух прочел я и посмотрел на остальных.

На лицах Эмми и Джозефины застыло одинаковое выражение крайнего потрясения. Калипсо и Лео обменялись непонимающими взглядами.

– М-м, что... – начал было Лео.

Но тут Эмми и Джозефина, одновременно заговорив, обрушили на меня град вопросов:

– Она жива? С ней все хорошо? Где она? Отвечай!

Эмми вскочила на ноги и принялась, нервно всхлипывая, ходить из стороны в сторону, а Джозефина подступила ко мне с кулаками и пылающим, как сварочная дуга, взглядом.

– Не знаю! – Я бросил Джозефине шар, словно кусок го-

рячей пахлавыв. – Не убивай меня!

Поймав его, она, кажется, пришла в себя. Глубоко вздохнув, она сказала:

– Извини, Аполлон. Извини. Я... – Она повернулась к Агамеду: – Держи. Отвечай. Расскажи нам все. – И бросила ему шар.

Агамед посмотрел на шар несуществующими глазами. Плечи его опустились, будто от безысходности. Он снова потряс шар и бросил его мне.

– Почему именно я?! – запротестовал я.

– Читай! – приказала Эмми.

Я перевернул шар. В окошке появилось новое предсказание.

– «Ответ неясен, – прочел я. – Спроси позже».

Эмми издала отчаянный стон, упала в кресло и закрыла лицо руками. Джозефина тут же подскочила к ней.

– Эй, Сырок, – нахмурился Лео. – Потряси-ка его снова, дружище.

– Бесполезно, – сказала Джозефина. – Если волшебный шар говорит, что нужно спросить позже, значит, так и есть. Придется подождать. – Она села на подлокотник кресла и прижала голову Эмми к своей груди. – Мы найдем ее. И вернем домой.

Калипсо нерешительно вытянула руку с раскрытой ладонью, показывая, что не знает, чем им помочь.

– Простите, пожалуйста. Но кто... кто пропал?

Джозефина, у которой дрожали губы, указала на Лео.

Тот удивленно заморгал:

– Э-э, я вроде здесь...

– Не ты, – сказала Джозефина. – Бирка с именем. Это был ее комбинезон.

Лео похлопал рукой по бирке:

– Джорджи?

Эмми посмотрела на нас красными распухшими глазами и кивнула:

– Джорджина. Наша приемная дочь.

Хорошо, что я в этот момент сидел. Я вдруг понял столько всего, что это знание нахлынуло на меня как очередное видение: две стареющие Охотницы, которые перестали быть Охотницами, пустая детская, рисунки девочки на стенах. И по словам Джозефины, Агамед появился у них примерно семь лет назад.

– Вы покинули Охотниц, – сказал я, – чтобы быть вместе.

Джозефина уставилась вдаль, словно стены вдруг стали прозрачными, как окошко в волшебном шаре.

– Мы этого не планировали. Мы ушли... когда это было, в 1986-м?

– В восемьдесят седьмом, – поправила Эмми. – С тех пор мы стареем вместе. И очень счастливы.

Она смахнула слезу: да уж, не похожа она была сейчас на жутко счастливого человека.

Калипсо взмахнула недавно вылеченной рукой:

– Я мало что знаю о госпоже Артемиде и ее последовательницах...

– Ничего страшного, – перебил ее Лео, вызвав ее недовольный взгляд.

– Но вроде бы они отрекаются только от мужчин. Если вы полюбили друг друга...

– Нет, – с горечью сказал я. – Любые романы запрещены. В этом моя сестра очень категорична. Охотницы не должны отвлекаться на романтику.

Размышления о сестре и ее борьбе с романтикой рассердили меня. Как могут близнецы быть настолько разными? А еще я рассердился на Гемифею. Она не просто ушла от Охотниц – покинув их, она отказалась от божественной силы, которую я даровал ей.

Что тут скажешь – люди! Даруешь вам бессмертие и божественную силу – а вы готовы променять их на любовь и чердак в центре Индианаполиса. Какая наглость!

Эмми отвела глаза и ностальгически вздохнула:

– Нам обеим нравилось быть Охотницами. Они были нам семьей. Но... – она пожала плечами.

– ...друг друга мы любили больше, – закончила Джозефина.

Что-то подсказывало мне, что они даже мыслили в унисон и поэтому часто заканчивали фразы одна за другую. Но это меня не успокоило.

– Видимо, вы расстались с Артемидой на хорошей ноте, –

сказал я. – Она все-таки вас не убила.

Джозефина кивнула:

– Охотницы госпожи Артемиды часто останавливаются здесь, на Станции... хотя саму Артемиду мы не видели уже несколько десятков лет. А семь лет назад произошло счастливое событие. Появилась Джорджина. Ее... ее принес к нам сюда Агамед.

Оранжевый призрак поклонился.

– Принес откуда? – поинтересовался я.

Эмми развела руками:

– Нам так и не удалось узнать у него об этом. Магический шар никогда не давал ответа на этот вопрос.

Лео, видимо, глубоко задумался, потому что на кончике его левого уха вспыхнул язычок пламени.

– Погодите-ка. Агамед ведь не отец вашей дочери? И... хотите сказать, что мне в самый раз комбинезон семилетней девочки?!

Джозефина горько усмехнулась:

– Похоже, что так. И нет, Лео, Агамед не отец Джорджины. Наш призрачный друг умер еще в древности. Как сказал Аполлон, он был братом Трофония, духа оракула. Так мы и узнали о его существовании.

– Значит, вам известно, где находится оракул? – спросил я.

– Известно, – пробормотала Эмми. – А толку-то?

В голове у меня роились вопросы. Если бы только я мог

разделиться на дюжину воплощений, чтобы каждое искало ответ на свой вопрос! Увы, смертных разделить на части не так-то просто.

– Получается, девочка как-то связана с оракулом?

Эмми закрыла глаза. Было видно, что она изо всех сил старается не разрыдаться.

– Мы не понимали, насколько сильна эта связь. До тех пор, пока у нас не забрали Джорджи.

– Император? – предположил я.

Джозефина кивнула.

Я еще не встречал второго члена Триумvirата, но уже ненавидел его. Нерон отобрал у меня Мэг Маккаффри. И мне не нравилась мысль о том, что другую маленькую девочку забрал еще один злобный император.

– В моем видении, – вспомнил я, – Нерон называл этого императора Новым Геркулесом. Кто он такой? Что он сделал с Джорджиной?

Эмми, пошатываясь, встала на ноги:

– Мне... мне нужно занять руки чем-то полезным. В последние недели только это помогает мне держать себя в руках. Поможете мне приготовить обед? А потом поговорим о чудовище, которое правит нашим городом.

*Резала лук
Рука бывшего бога
А ну-ка ешьте!*

Быть полезным.

Брр.

Это так по-человечески! Имеется в виду, что за ограниченное время (ЛОЛ!) ты должен приложить кучу усилий, чтобы что-то сделать (дважды ЛОЛ!). Я понимаю, когда речь идет о том, чтобы годами трудиться над оперой, прославляющей величие Апполона, – но как может кого-то радовать или успокаивать готовка?! Этого мне не понять.

Даже в Лагере полукровок меня не заставляли готовить себе еду. Да, хот-доги у них были так себе, и я так и не понял, какие жуки идут на жучиный сок, но по крайней мере в официантках у них симпатичные нимфы.

А теперь мне пришлось мыть салат-латук, резать помидоры и шинковать лук.

– Где вы взяли эти продукты? – спросил я, пытаясь сморгнуть выступившие на глазах слезы.

Я, конечно, не Деметра, но было очевидно, что овощи доставили прямиком с грядки – ведь чтобы отмыть их от земли, мне пришлось изрядно попотеть.

Мысль о Деметре напомнила о Мэг, поэтому мне на глаза навернулись слезы, и дело было не в луке, который я резал.

Калипсо бухнула на стол передо мной корзину с грязной морковкой:

– Эмми разбила на крыше сад. И устроила теплицы. Все растет круглый год! Видел бы ты, какая там зелень: базилик, тимьян, розмарин! Просто невероятно!

– Спасибо, дорогая, – улыбнулась Эмми. – Вижу, у тебя большой опыт в огородных делах.

Я вздохнул. Теперь и эти подружились. Если так пойдет, то скоро я окажусь между двух огней: Эмми с Калипсо, обсуждающих, как лучше выращивать капусту, и Лео с Джозефиной, разглагольствующих о карбюраторах. Куда мне до них!

Как говорится, помяни демона – и он появится: дверь рядом с кладовкой распахнулась, и вбежал Лео, торжественно держа над головой круг сыра словно лавровый венок победителя.

– УЗРИТЕ ЧЕДДЕР! – провозгласил он. – ДА ЗДРАВСТВУЮТ ПОКОРИТЕЛИ СЫРА!

Позади него весело смеялась Джозефина, тащившая металлическое ведро:

– Похоже, Лео понравился коровам.

– Да, *abuelita*, – отозвался Лео. – Все коровы без ума от Лео! – он улыбнулся мне. – Чувак, у них все коровы рыжие. Прямо... ярко-рыжие!

После такого я и впрямь чуть не разрыдался. Рыжие коровы – мои любимые. Сотни лет я держал стадо священных красных коров, пока коллекции крупного рогатого скота не вышли из моды.

– Мы держим их только для молока, – тут же добавила Джозефина. – Не забиваем.

– Надеюсь, что нет! – возмутился я. – Убить рыжую корову – святотатство!

Мои слова, по-видимому, не произвели на нее особого впечатления.

– Это да, но вообще дело в том, что двадцать лет назад Эмми заставила меня отказаться от мяса.

– Потому что забочусь о тебе, – проворчала Эмми. – Ты больше не бессмертная и должна думать о своем здоровье.

– А как же чизбургеры? – пробормотала Джо.

Лео плюхнул сырный круг на стол передо мной:

– Отрежьте-ка мне кусок, любезный. Да поживее!

Я бросил на него грозный взгляд:

– Не испытывай мое терпение, Вальдес. Когда снова стану богом, превращу тебя в созвездие и назову его «Мелкий взрывоопасный латинос».

– Круто! – он так хлопнул меня по плечу, что у меня в руке задрожал нож.

Неужто никто больше не боится гнева богов?!

Пока Эмми пекла хлеб – который, должен признать, источал потрясающие ароматы, – я сделал салат из моркови,

огурцов, грибов, помидоров и всего остального, что выросло у них на крыше. Калипсо из свежих лимонов и тростникового сахара приготовила лимонад, напевая песни Бейонсе из одноименного альбома. (Пока мы летели в Индианаполис, я взял на себя смелость познакомить Калипсо с поп-музыкой трех последних тысячелетий.)

Лео резал сыр, распространяя запахи на всю кухню (понимайте, как хотите). Чеддер оказался ярко-оранжевым внутри и довольно вкусным. Джозефина занялась десертом, заявив, что это ее конек. Она испекла бисквитный торт со свежими ягодами, красным сливочным кремом и украсила его безе, которое слегка подрумянила сварочной горелкой.

Понурый Агамед забился в угол под самым потолком кухни, держа магический шар словно приз за третье место в конкурсе для троих.

Наконец мы сели обедать. Я и не подозревал, как сильно проголодался. Завтракали мы давненько, да и бортовое питание у Фестуса так себе. Пока Лео и Калипсо рассказывали о нашем полете на запад, я налегал на еду. Наслаждаясь свежим хлебом с красным маслом, я то и дело вставлял словечко – ведь в нашей компании лучшим рассказчиком был, естественно, я.

Мы поведали о том, как мой заклятый враг Пифон захватил Дельфийский оракул, лишив нас самого сильного источника предсказаний. И о том, что из-за Триумвирата перестали работать все доступные полубогам средства связи: почта

Ириды, волшебные свитки, чрево вещательные куклы и даже загадочная магия электронной почты. С помощью Пифона три императора-злодея теперь намеревались взять под контроль или уничтожить все древние оракулы, чтобы обрести власть над будущим всего мира.

– Мы освободили рощу Додоны, – подытожил я. – Но этот оракул направил нас сюда, чтобы мы защитили еще один источник пророчеств – пещеру Трофония.

Калипсо указала на мой колчан, который лежал рядом на диване:

– Аполлон, покажи им свою говорящую стрелу.

В глазах Эмми загорелся интерес настоящей лучницы:

– Говорящую стрелу?!

Я вздрогнул. От стрелы, подаренной мне говорящими деревьями Додоны, пока было мало пользы. Ее голос слышал только я, и вместо ответов на вопросы она несла чушь на елизаветинском английском, заражая меня своей манерой речи, и потом я часами разговаривал как плохой актер шекспировского театра, что очень забавляло Калипсо.

– Стрелу я им не покажу, – отрезал я. – Но зато прочту лимерик.

– Нет! – в один голос закричали Калипсо и Лео, побросав вилки и зажав уши руками.

Я продекламировал:

Жил-был бог, звался бог Аполлон,

*В синь пещеры обрушился он.
На трехместных полатях
Бронзовый огнеглотатель
Смерть и дурь проглотить принужден⁵.*

За столом повисло неловкое молчание.

Джозефина сердито взглянула на меня:

– Никогда никто не осмеливался читать лимерики в этом доме, Аполлон.

– И будем надеяться, что этого больше никогда не случится, – согласился я. – Но таково пророчество Додоны, которое привело нас сюда.

Выражение лица Эмми развеяло последние сомнения в том, что передо мной была та самая Гемифея, которую я сделал бессмертной много веков назад. Мне был знаком этот горящий взгляд и решимость, с которой она шагнула с обрыва, вверив свою судьбу в руки богов.

– «В синь пещеры...», – повторила она. – Это и впрямь оракул Трофония. Он находится в пещере Блу Спринг, это примерно в восьмидесяти милях к югу от города.

Лео улыбнулся с набитым ртом, показав нам бурое месиво из непрожеванной еды:

– Значит, это будет самый простой квест в мире! Сначала вернем Фестуса, а потом посмотрим на картах Гугл, где находится это место, и просто туда полетим.

⁵ Перевод С. Самуйлова.

– Это вряд ли, – не согласилась Джозефина. – Окрестности пещеры находятся под постоянной охраной императора. Если вы подлетите к Блу Спринг на драконе, вас просто собьют. А если и нет, вход в пещеру все равно слишком мал для дракона.

– Но лимерик... – обиженно протянул Лео.

– ...может быть неточным, – сказал я. – В конце концов, чего ты хочешь от лимерика?!

Калипсо подвинулась вперед. Она обмотала салфеткой руку, которая еще недавно была сломана. Может быть, рука еще болела, а может, Калипсо просто нервничала. Салфетка в таком виде показалась мне похожей на обмотку факела – не самая радостная ассоциация, учитывая мою последнюю встречу с безумным императором Нероном.

– А что насчет последней строчки? – спросила она. – Про то, что Аполлон будет принужден проглотить смерть и дурь. Джозефина устала на свою пустую тарелку. Эмми сжала ее руку.

– Оракул Трофония опасен, – проговорила она. – Даже до прихода императоров мы решились бы спросить совета у духа только в случае крайней необходимости. – Она повернулась ко мне: – Ты должен об этом помнить. Ты же был богом прорицаний.

В горле у меня пересохло так, что даже дивный лимонад Калипсо не помог. Мне не нравилось, когда мне напоминали о том, кем я был. А еще мне не нравились огромные дыры в

памяти, заполненные каким-то неясным ужасом.

– Я... я помню, что в пещере опасно, – подтвердил я. – Но не помню почему.

– Ты не помнишь, – голос Эмми звучал угрожающе.

– Обычно я стараюсь сосредоточиться на божественных делах, – сказал я. – На качестве жертвенных даров, например. Или на том, какие благовония воскуряют просители. На том, хороши ли были хвалебные гимны. Я никогда не думал, с какими трудностями приходится сталкиваться просителям.

– Ты никогда не думал.

Мне не нравилось, что Эмми повторяет за мной. Изображать греческий хор у нее получалось еще хуже, чем у Калипсо.

– Я читал кое-что в Лагере полукровок, – продолжил я. – Там мало что было сказано о Трофонии. Хирон тоже ничем не смог помочь, он вообще забыл об этом оракуле. Вроде бы пророчества Трофония были мрачными и страшными. Иногда они сводили людей с ума. Может, эта пещера что-то вроде комнаты страха? Ну, знаете, свисающие с потолка скелеты, жрицы, выскакивающие из темноты с криками «Бу-у!»?

Кислое выражение лица Эмми подсказывало, что я не угадал.

– А еще в книге было сказано о двух особых источниках, из которых должны испить просители, – упорствовал я. – Может, глотание смерти и дури – отсылка к этому? Ну, та-

кой, поэтический образ.

– Нет, – тихо проговорила Джозефина. – Никакой это не образ. Эта пещера на самом деле свела с ума нашу дочь.

По моей шее пробежал холодок, словно Станция испустила печальный вздох. Я вспомнил о конце света, нарисованном на стене покинутой детской.

– Что произошло? – спросил я, хотя не был уверен, что хочу знать ответ, особенно если речь шла о том, с чем мне, возможно, придется скоро столкнуться.

Эмми оторвала кусок от хлебной корки и уронила его.

– Когда в Индианаполисе появился император... Этот Новый Геркулес...

Калипсо хотела было задать вопрос, но Эмми подняла руку:

– Нет, дорогая, не проси меня называть его имя. Не здесь. Не сейчас. Я уверена, ты знаешь, что многие боги и монстры слышат, когда их называют по имени. Он хуже большинства из них.

Уголки губ Калипсо сочувственно дрогнули:

– Продолжай, пожалуйста.

– Сначала, – сказала Эмми, – мы не понимали, что происходит. Стали пропадать наши друзья и соседи, – она обвела рукой комнату. – У нас здесь постоянно жили не меньше дюжины человек. А теперь... только мы и остались.

Джозефина откинулась на спинку кресла. В свете лучей, падающих из окна-розетки, ее волосы отливали сталью, как

гаечные ключи в карманах ее комбинезона.

– Император искал нас. От знал про Станцию. Он хотел нас уничтожить. Но, как я уже говорила, в это место трудно попасть без приглашения. И его приспешники ждали, когда мы выйдем сами. И забрали наших друзей одного за другим.

– Забрали? – переспросил я. – В смысле живыми?

– О да, – мрачный тон Джозефины словно намекал на то, что такая участь куда хуже смерти. – Император любит пленников. Он забрал наших друзей, наших грифонов.

Из пальцев Лео выскользнула ягода:

– Грифонов?! Ох... Хейзел и Фрэнк рассказывали мне о них. Они сражались с грифонами на Аляске. Говорят, они похожи на бешеных гиен с крыльями.

Джозефина усмехнулась:

– Мелкие, дикие могут быть и такими. Но мы выращиваем лучших... Выращивали. Последняя пара пропала с месяц назад. Элоиза и Абеляр. Мы отпустили их поохотиться – здоровым грифонам охота необходима. Но они так и не вернулись. Для Джорджины это стало последней каплей.

У меня было плохое предчувствие. Мы обсуждали жуткие, смертельно опасные вещи, но было что-то еще. Гнезда грифонов в нишах над нашими головами. Далекое воспоминание о последовательницах моей сестры. То, о чем говорил Нерон в моем видении: Новый Геркулес мечтает уничтожить Дом Сетей – словно это было другое название Станции... Мне казалось, что на обеденный стол легла чья-то тень. Тень

кого-то знакомого, от которого, возможно, мне следовало бежать без оглядки.

Калипсо сняла салфетку с руки.

– А ваша дочь? – спросила она. – Что случилось с ней?

Ни Джозефина, ни Эмми не ответили. Агамед понурился, его залитое кровью одеяние окрасилось в разные оттенки соусов начос.

– Все понятно, – сказал я в тишине. – Девочка пошла в пещеру Трофония.

Эмми посмотрела мимо меня. Ее острый, как наконечник стрелы, взгляд был устремлен на Агамеда.

– Джорджина вбила себе в голову, что единственный способ спасти Станцию и найти пленников – посоветоваться с оракулом. Это место всегда манило ее. В отличие от большинства людей, она его не боялась. И как-то ночью она убежала. Агамед ей помог. Мы точно не знаем, как они туда добрались...

Призрак потряс магический шар и бросил его Эмми. Прочитав ответ, она нахмурилась.

– «Так было предначертано», – прочла она вслух. – Не знаю, что ты хочешь сказать, старый мертвый дурак, но она ребенок! Ты знал, что случится с ней без трона!

– Без трона? – удивилась Калипсо.

В моей голове, словно в окошке магического шара, появилось очередное воспоминание.

– О боги! – выдохнул я. – Трон.

Но не успел я сказать и слова, как весь зал содрогнулся. Тарелки и чашки с грохотом посыпались на пол. Агамед исчез во вспышке цвета начос. Витраж из зеленых и коричневых стекол в центре потолка потемнел, словно солнце закрыла туча.

Джозефина вскочила:

– Станция, что творится на крыше?!

По-моему, здание ничего не ответило. Из стены не выскочил кирпич. Двери не принялись хлопать, передавая сообщение азбукой Морзе.

Эмми положила магический шар на стол:

– Оставайтесь здесь. Мы с Джо проверим, что там.

– Но... – нахмурилась Калипсо.

– Это приказ, – отрезала Эмми. – Я больше не хочу терять гостей.

– Это не может быть Ком... – Джозефина осеклась. – Это не может быть он. Может, Элоиза и Абеляр вернулись?

– Может быть, – в голосе Эмми не было уверенности. – Но на всякий случай...

Обе женщины бросились к металлическому шкафу на кухне. Эмми схватила лук и колчан. Джозефина достала допотопный пистолет-пулемет с двумя ручками и круглым барабанным магазином между ними.

Лео едва не подавился тортом:

– Это что, Томми-Ган?!⁶

⁶ Томми-Ган – неофициальное название пистолета-пулемета Томпсона.

Джозефина нежно погладила свое оружие:

– Это Маленькая Берта. Напоминание о моем неприглядном прошлом. Я уверена, что нам не о чем беспокоиться. Но вы не высовывайтесь.

Успокоив нас таким образом, вооруженные до зубов хозяйки отправились проверять крышу.

8

*Ссорятся голубки
Неужто гроза в Элизиуме?
Помою-ка тарелки*

Я прекрасно понял, что значит «не высовываться».

А вот Лео с Калипсо решили, что нам нужно помыть посуду после обеда. (См. выше мои комментарии в теме «Быть полезным – глупее не придумаешь».) Я намыливал. Калипсо ополаскивала. Лео сушил. Вот кто точно не перетруился: он просто брал тарелку и слегка нагревал руки.

– Итак, – начала Калипсо, – о каком троне говорила Эмми?

Я уставился на стопку намыленных форм для выпечки хлеба:

– Трон Памяти. Его изготовила сама богиня Мнемозина.

Лео, ухмыляясь, посмотрел на меня сквозь пар, идущий от салатницы:

– Ты забыл о Троне Памяти? Разве это не смертный грех?

– Смертным грехом, – ответил я, – будет, если я не испеку тебя в ту самую секунду, когда снова стану богом.

– Валяй, – согласился Лео. – Но кто тогда покажет тебе тайные лады на вальдезинаторе?

От неожиданности я плеснул себе мыльной водой в лицо:

– Какие еще тайные лады?

– Прекратите оба! – потребовала Калипсо. – Аполлон, что такого важного в этом троне?

Я вытер лицо. Разговор о Троне Памяти всколыхнул в моем сознании еще несколько воспоминаний, признаться не самых приятных.

– Перед тем как войти в пещеру Трофония, – сказал я, – проситель должен был испить из двух волшебных источников – Забвения и Памяти.

Лео взял очередную тарелку, над которой тут же поднялись завитки пара:

– А разве эти источники не нейтрализуют друг друга?

Я покачал головой:

– Если после этого останешься жив, твой разум будет готов к встрече с оракулом. Затем ты спускаешься в пещеру и испытываешь... несказанные ужасы.

– Какие, например? – спросила Калипсо.

– Я же говорю – несказанные. Знаю только, что после встречи с Трофонием у тебя в сознании остаются разрозненные строки кошмарных стихов, но, если расставить их по порядку, получится предсказание. Когда выйдешь из пещеры – если, конечно, не умрешь и не сойдешь с ума окончательно, – жрец посадит тебя на Трон Памяти. Строки сами польются у тебя изо рта, жрец их запишет – и вуаля! Вот тебе и пророчество. Если повезет, то рассудок к тебе потом вернется.

– Какой-то мутный оракул. Поющие деревья и то лучше.

Меня едва не передернуло. Лео не был со мной в роще Додоны. И он не представлял себе, как жутко звучали все эти голоса, гомонящие одновременно. Но он был прав. О пещере Трофония недаром помнило так мало людей. Об этом месте не написали бы хвалебную рецензию в ежегоднике «Лучшие оркаулы, которые стоит посетить не откладывая».

Калипсо взяла у меня форму для выпечки и принялась ее ополаскивать. Она работала с большим знанием дела, хотя по ее ухоженным ручкам было не похоже, что она часто может за собой посуду. Нужно будет спросить, каким увлажняющим кремом она пользуется.

– А что будет, если не успеешь сесть на трон? – спросила она.

– Главное, чтобы не на фаянсовый! – прыснул Лео.

Калипсо свирепо посмотрела на него.

– Прости, – Лео попытался сделать серьезный вид, хотя это ему никогда не удавалось.

– Если проситель не сядет на трон, – сказал я, – строки пророчества невозможно будет извлечь из его разума. И ужасы пещеры останутся с ним навеки.

Калипсо домыла форму:

– Джорджина... бедная девочка. Как думаешь, что с ней случилось?

Мне не хотелось даже думать об этом. От догадок у меня мурашки бежали по спине.

– Наверное, она добралась до пещеры. И выжила после

встречи с оракулом. Она вернулась сюда, но... была не в себе. – Я вспомнил хмурых человечков с ножами, нарисованных на стене ее комнаты. – Потом, я думаю, император завладел тронном. А без него Джорджина не смогла бы поправиться окончательно. Похоже, она снова пошла в пещеру, чтобы найти трон... и попала в плен.

Лео выругался по-испански.

– Я все думаю о своем младшем братишке Харли, он сейчас в лагере. Если бы его кто-то хоть пальцем тронул... – он покачал головой. – Кто такой этот император и когда мы уже ему наkostenялем?!

Наконец с формами для хлеба было покончено. Хотя этот великий квест я сумел завершить. Я взглянул на мыльные пузырьки, которые лопались у меня между пальцев.

– Я догадываюсь, кто этот император, – признался я. – Джозефина хотела сказать его имя. Но Эмми права – лучше не называть его вслух. *Новый Геркулес*... – я сглотнул слюну. Хлеб и салат, похоже, устроили драку у меня в желудке. – Он был плохим человеком.

На самом деле, если я верно угадал личность нашего врага, то весь квест оборачивался жуткой неловкостью. Я надеялся, что ошибся. В конце концов, я мог бы остаться на Станции и руководить операцией, а Калипсо и Лео пошли бы в бой. Это было бы честно – я все-таки вымыл посуду.

Лео убрал тарелки. Его глаза бегали из стороны в сторону, словно он решал невидимое уравнение.

– Проект, над которым работает Джозефина, – сказал он. – Она собирает какое-то отслеживающее устройство. Я не спрашивал, но... видимо, она хочет отыскать Джорджину.

– Естественно, – в голосе Калипсо зазвучал металл. – Представь себе, каково это – потерять ребенка.

У Лео покраснели уши.

– Ну да. Я тут подумал... Если мы доберемся до Фестуса, я проведу кое-какие расчеты, может, перепрограммирую его архимедову сферу...

Калипсо махнула рукой – в прямом смысле этого слова – и бросила полотенце. Со звонким «шлеп!» оно упало в раковину.

– Лео, все не запрограммируешь!

– Я и не пытаюсь, – недоуменно моргнул он. – Я просто...

– Ты пытаешься все починить, – перебила его Калипсо. – Все проблемы для тебя как поломки в механизме. Джо и Эмми по-настоящему страдают. Эмми сказала, что они даже готовы покинуть Станцию и сдаться императору, если это спасет жизнь их дочери. Им не нужны гаджеты, шутки или ремонт. Попробуй хоть раз послушать людей!

Лео вытянул руки. На этот раз он не знал, чем их занять.

– Послушай, малыш...

– Нечего сюсюкать! – огрызнулась она. – Не смей...

– АПОЛЛОН? – прогремел из главного зала голос Джозефины.

Страх в нем не было, но вот напряжение явно чувство-

валось – прямо как в атмосфере на кухне.

Я отошел от счастливой парочки. Ярость Калипсо застала меня врасплох, но по здравом размышлении я мог припомнить, что за нашу дорогу на запад они с Лео ссорились еще полдюжины раз, не меньше. Просто раньше я не обращал на это внимания, потому что... ну, потому что спорили они не обо мне. К тому же их размолвки по сравнению со ссорами божественных пар отдыхают.

Я указал себе за плечо:

– Думаю, я... э-э... – и выскользнул из кухни.

В центре главного зала меня ждали Эмми и Джозефина с оружием в руках. Я не мог понять, что написано на их лицах – то ли нетерпение, то ли волнение, то ли то, что было написано на лице у виночерпия Ганимеда всякий раз, когда он наливал Зевсу новое вино.

– Аполлон, – Эмми указала куда-то вверх, на грифоньи гнезда под потолком. – К тебе пришли.

Стараясь рассмотреть то, на что показывала Эмми, я шагнул на ковер и обернулся. Ох, не надо было мне этого делать. Поставив ногу на ковер, я подумал: «Погодите, а разве он лежал здесь?»

Затем у меня промелькнула мысль: «А почему ковер так похож на плотную сеть?»

А потом: «АЙ!»

Сеть опутала меня и выстрелила вверх. Ко мне вернулась способность летать. На микросекунду мне показалось, что

меня возвращают на Олимп и я воспаряю в славе, чтобы занять свой трон по правую руку отца. (Ну, на самом деле я сижу на третьем троне справа от Зевса, но какая разница.)

Но тут за меня взялась сила притяжения. Я спружинил как йо-йо. В одно мгновение я опустился на уровень Лео и Калипсо, которые глазели на меня из кухни, а в следующее – подскочил к самым грифоньим гнездам, где встретился взглядом с прекрасно знакомой мне богиней.

Вы, наверно, подумали: «Это была Артемида. Она подложила ему сеть, просто чтобы подшутить над братом. Ведь любящая сестра ни за что не бросит брата на произвол судьбы. Она наконец пришла, чтобы спасти нашего героя – Аполлона!»

Нет. Это была не Артемида.

На украшенном лепниной выступе, весело болтая ногами, сидела молодая женщина. Я узнал ее затейливо зашнурованные сандалии и платье, сшитое из слоев сетки «лесной» камуфляжной расцветки. Заплетенные в хвост темно-рыжие волосы были такими длинными, что обвивали ее шею как шарф или удавка. Взгляд жестоких темных глаз напомнил мне о пантере, которая наблюдает за добычей в тени ветвей – пантере со странным чувством юмора. Да, богиня. Но не та, которую я ждал.

– Ты! – прорычал я.

Но трудно казаться грозным, когда подпрыгиваешь вверх-вниз.

– Здравствуй, Аполлон, – лукаво улыбнулась Бритомартида, богиня сетей. – Я слышала, ты стал человеком. Ох, повеселимся!

*Ловушка, а как же!
Чего еще ждать от
Леди Ловушки*

Бритомартида спрыгнула с карниза и приземлилась, припав на колено. Юбка раскинулась вокруг нее как озеро из сетки.

(Она обожает эффектно появляться. Явно косит под персонажей аниме.)

Богиня поднялась на ноги и достала охотничий нож.

– Аполлон, если у тебя нет лишних частей тела, лучше замри.

Я не успел возразить, что, когда висишь в качающейся сетке, замереть совершенно невозможно. Она полоснула ножом напротив моего паха. Сеть порвалась, и я вывалился на пол, слава богам, в целости и сохранности.

Падение вышло не особенно изящным. К счастью, Лео и Калипсо бросились мне на помощь. Они подхватили меня под руки и помогли подняться. Как чудесно, что, несмотря на недавнюю ссору, они объединились, чтобы позаботиться о чем-то действительно важном – о моем благополучии.

Лео потянулся к поясу с инструментами – наверное, чтобы достать какое-нибудь оружие. Вместо этого он вытащил

коробочку с мятными леденцами. Проку от них сейчас не было никакого.

– Кто это? – спросил он меня.

– Бритомартида, – представил я богиню. – Богиня сетей. Взгляд Лео выражал недоумение.

– А баскетбольные корзины и Интернет считаются?

– Только охотничьи силки и рыболовные сети, – ответил я. – Это одна из подпевал моей сестрицы.

– Подпевал? – наморщила носик Бритомартида. – Никакая я не подпевала.

За нашими спинами кашлянула Джозефина:

– Э-э, извини, Аполлон. Госпожа настояла на том, чтобы именно так привлечь твоё внимание.

Богиня расплылась в улыбке:

– Должна же я была проверить, попадешься ли ты в мою сеть. И ты попался. Как всегда. Гемифея, Джозефина... оставьте нас, пожалуйста.

Наши хозяйки переглянулись, вероятно размышляя, кому из них придется убирать трупы после того, как Бритомартида с нами закончит. Затем они удалились через дверь в дальнем конце зала.

Калипсо смерила богиню сетей оценивающим взглядом:

– Хм, Бритомартида? Никогда о тебе не слышала. Ты, должно быть, из младших богинь.

Бритомартида натянуто улыбнулась в ответ:

– О, зато я о тебе слышала, Калипсо. Изгнана на Оги-

гию после войны с титанами. Ждала, пока к твоим берегам прибьет какого-нибудь парня, который потом разобьет тебе сердце и бросит одну. Наверняка тебе это жутко надоело. – Она повернулась к Лео: – А это и есть твой спаситель, да? Как-то он низковат и растрепан для рыцаря в сияющих доспехах.

– Послушайте, дамочка, – Лео потряс коробочку с леденцами. – Я взрывал богинь куда могущественней, чем вы.

– И он никакой не спаситель, – добавила Калипсо.

– Да! – Лео нахмурился. – погоди, я же вроде как тебя спас.

– И никакой не рыцарь, – задумчиво продолжала Калипсо. – Хотя низковат и растрепан – это да.

У Лео из-за шивороты вырвался клуб дыма.

– Так, – он повернулся в Бритомартиде, – а почему это ты командуешь Джо и Эмми, как будто мы у тебя дома?

Я отобрал у него леденцы, пока Бритомартида не успела превратить их в нитроглицерин:

– Лео, боюсь, это и есть ее дом.

Богиня одарила меня той кокетливой улыбкой, которую я так ненавидел – той самой, от которой мне казалось, что у меня в желудке кипит горячий нектар.

– Надо же, Аполлон, сумел сложить два и два! Как тебе это удалось?

Каждый раз при встрече с Бритомартидой я делал так, что был немного выше ее. Увы, теперь я не мог изменять свой

рост по желанию. Разве что встать на цыпочки.

– Нерон назвал это место Домом Сетей, – сказал я. – Я должен был сразу понять, что Станция – твоё детище. Если сестре нужно какое-нибудь хитроумное изобретение – безумное и опасное, – она сразу идет к тебе.

Взмахнув складками сетчатого платья, богиня сделала реверанс:

– Ты мне льстишь. А теперь идемте, друзья. Сядем и поговорим, – она указала на стоящие рядом диванчики.

Лео осторожно подошел к ним. Кем-кем, а дураком он не был. Калипсо уже собиралась сесть в кресло, но он схватил ее за запястье:

– погоди.

Из пояса с инструментами он достал складную линейку, развернул ее и ткнул в сиденье кресла. Медвежий капкан захлопнулся, порвав набивку и ткань как мебельный акулий торнадо.

Калипсо уставилась на Бритомартиду:

– Ты издеваешься?!

– Ой! – хихикнула богиня.

Лео указал на один из диванов, который вовсе не казался мне подозрительным.

– Под этими подушками нить-растяжка. Она... она активирует прыгающую Бетти?⁷

⁷ Прыгающая Бетти – американское название немецкой противопехотной мины времен Второй мировой войны.

– А ты молодец! – рассмеялась Бритомартида. – Так и есть. Это модифицированная S-мина нажимного действия.

– Леди, если бы она сдетонировала, то подпрыгнула бы на три фута вверх, взорвалась, и нас всех убило бы осколками.

– Именно! – радостно подтвердила богиня. – Лео Вальдес, ты мне нравишься.

Лео покосился на нее, достал из пояса кусачки, подошел к дивану и обезвредил мину.

Я наконец выдохнул:

– Что ж, я, пожалуй, сяду... вот здесь, – я указал на диван напротив. – Тут нет мин?

– Нет, – буркнул Лео. – Вроде порядок.

Когда мы все – целые и невредимые – наконец уселись, Бритомартида развалилась в изувеченном капканом кресле и улыбнулась:

– Ну разве не здорово?

– Нет! – в один голос рявкнули мы трое.

Бритомартида потеревала волосы, словно вспоминая, не забыла ли о какой-нибудь растяжке:

– Вы спросили, почему я отослала Джо и Эмми. Я очень их люблю, но не думаю, что им понравится квест, который я собираюсь вам поручить.

– Квест? – Калипсо изогнула брови. – Я куда старше тебя, прыгающая Бетти. С какой стати мне выполнять твои задания?

– Ты просто прелесть! – игриво улыбнулась Бритомарти-

да. — Дорогая, я помню, как древние греки жили в пещерах. Я ведь сначала была критской богиней. Когда мой пантеон отжил свое, меня поддержала Артемида. Я примкнула к Охотницам, и вот она я — плету свои сети и ставлю капканы, — хотя прошли тысячи лет.

— Ага, — проворчал я. — Вот она ты.

Богиня распахнула объятия. С расшитых рукавов свисали грузила и рыболовные крючки.

— Дорогой Аполлон, из тебя вышел прелестный Лестер Пападопулос. Иди ко мне.

— Не дразни меня! — взмолился я.

— Ну что ты! Теперь, когда ты безобидный смертный, я наконец дарю тебе обещанный поцелуй.

Я знал, что она обманывает. Я знал, что ее платье обовьет-ся вокруг меня и вонзит в меня крючки. Об этом говорил недобрый блеск ее глаз цвета ржавчины.

За тысячи лет она столько раз обводила меня вокруг пальца!

Я, не стесняясь, флиртовал со всеми последовательницами моей сестры. Но только Бритомартида отвечала на мои намеки, хотя, как и все Охотницы, дала обет вечного девства. Но ей нравилось мучить меня. А сколько раз она издевалась надо мной, будто бы устраивая мне свидания с другими людьми! Ох! Артемида никогда не отличалась чувством юмора, но ее подружка Бритомартида отыгрывалась за них обеих. Она была невыносима. Прекрасна, но невыносима.

Признаю, я едва не поддался искушению. О слабая человеческая плоть! Она еще слабее, чем плоть божественная!

Я покачал головой:

– Ты обманываешь меня. Я на это не куплюсь.

– Когда это я тебя обманывала? – обиделась она.

– В Фивах! – воскликнул я. – Ты обещала, что пойдешь со мной на романтический пикник в лес. А вместо этого меня истрепал огромный дикий кабан!

– Это было недоразумение.

– А как насчет случая с Ингрид Бергман?

– О, но ведь она и правда хотела с тобой встретиться. Откуда мне было знать, что кто-то вырыл рядом с ее трейлером яму-ловушку для тигров?

– Свидание с Роком Хадсоном?⁸

Бритомартида пожала плечами:

– Я ведь не говорила, что он ждет тебя на том минном поле. Просто не стала тебя разубеждать. Но ты должен признать, что из вас вышла бы красивая пара.

Я заскулил и начал рвать волосы на голове. Бритомартида знала меня как облупленного. Я обожал находить себе пару под стать.

Лео переводил взгляд с меня на нее, будто наблюдал за напряженной игрой в метание греческого огня. (Была очень популярна в Византии. Лучше не спрашивайте.)

– Рок Хадсон, – повторил он. – На минном поле.

⁸ Ингрид Бергман, Рок Хадсон – звезды американского кинематографа.

Богиня улыбнулась:

– Аполлон так мило бежал через ромашковое поле – просто очаровашка, – пока не взорвался.

– Если ты не забыла, – пробормотал я, – я больше не бес-
смертен. Так что давай обойдемся без ловушек для тигров, пожалуйста.

– Я даже и не думала ни о чем таком! – заверила меня богиня. – Нет, этот квест не должен тебя убить. А если все-таки убьет, то я этого не планировала. Я просто хочу вернуть своих грифонов.

– Твоих грифонов? – нахмурилась Калипсо.

– Да, – кивнула богиня. – Знаешь, такие полульвы-полу-орлы с крыльями...

– Я знаю, как выглядят грифоны, – сказала Калипсо. – И знаю, что Джо и Эмми их здесь разводят. Но с чего вдруг они стали твоими?

Я кашлянул:

– Калипсо, грифоны – ее священные животные. Она их мать.

– В переносном смысле, – закатила глаза Бритомартида. – Я не высиживаю их яйца.

– Однажды ты заставила меня их высиживать, – напомнил я. – И обещала взамен поцелуй, которого я так и не дождался.

Она рассмеялась:

– Точно, совсем об этом забыла! Как бы то ни было, мест-

ный император поймал моих крошек, Элоизу и Абеляра. Вообще-то он собрал кучу разных мифических животных со всего Среднего Запада, чтобы использовать их в своих зверских играх. Их нужно освободить.

Лео рассматривал детали разобранной мины у себя на коленях.

– Девочка. Джорджина. Вот почему ты не хотела разговаривать при Джо и Эмми. Безопасность грифонов для тебя важнее, чем жизнь их дочери.

Бритомартида пожала плечами:

– Джо и Эмми сейчас не могут верно расставить приоритеты. Им было бы больно это услышать, но грифоны должны быть на первом месте. У меня есть на то причины. Я богиня, и сначала вы решите мои проблемы.

Калипсо презрительно фыркнула:

– Ты такая же ненасытная и агрессивная, как и твои *крошки*!

– Сделаю вид, что я этого не слышала, – сказала богиня. – Я обещала Артемиде, что попробую помочь вашей троице, но лучше не испытывай мое терпение. Из тебя получится дивный гребенчатый тритон.

Мое сердце наполнилось надеждой и печалью. Артемиды, моя любящая сестра, все-таки меня не бросила. Может быть, Зевс и запретил другим олимпийцам помогать мне, но Артемиды послала ко мне Бритомартиду, свою помощницу. Конечно, «помощь» Бритомартиды влекла за собой испытания

минами и медвежьими капканами, но сейчас я был готов удовольствоваться малым.

– А что будет, если мы найдем этих грифонов? – спросил я.

– Тогда я расскажу вам, как пробраться в логово императора, – пообещала Бритомартида. – Я же богиня ловушек и знаю все о потайных ходах.

– В чем же тут справедливость? – изумился я.

– В том, Лестер, пупсик, что вам нужно проникнуть во дворец, чтобы спасти Джорджину и других пленников. Без них Станция обречена, как и ваши шансы на победу над Триумвиратом. К тому же именно во дворце находится Трон Памяти. Не вернете его – не выйдете живыми из пещеры Трофония. И не спасете остальные оракулы. А ты никогда не вернешься на Олимп.

Я повернулся к Лео:

– Мне все эти квесты в новинку. Разве в конце нам не полагается награда? Только новый жуткий квест?

– Не-а, не полагается, – ответил Лео. – Обычно все именно так и происходит.

Какая несправедливость! Младшая богиня посылает меня, одного из двенадцати олимпийцев, на поиски своих животных! Про себя я поклялся, что если верну свою божественную силу, то никогда не отправлю ни одного несчастного смертного в квест. Разве что в случае крайней необходимости. Или если буду уверен, что смертный с ним спра-

вится. Или если меня будет поджимать время... или если у меня просто не будет настроения самостоятельно разбираться с этим делом. Я буду к смертным куда добрей и великодушней, чем эта богиня сетей ко мне.

– И чего же ты от нас хочешь? – обратился я к Бритомартиде. – Разве грифонов держат не в императорском дворце? Может, мы одним выстрелом убьем двух зайцев?

– О нет, – ответила она. – Это очень важные животные, редкие и ценные... таких император держит в специальном месте, где им обеспечивают надлежащий уход. В зоопарке Индианаполиса.

Я вздрогнул. Зоопарки всегда производили на меня гнетущее впечатление: все эти клетки с грустными животными, визжащие дети, паршивая еда.

– И грифоны содержатся под надежной охраной, – догадался я.

– В точку! – воскликнула Бритомартида с подозрительным восторгом в голосе. – Так что, пожалуйста, освободите их прежде, чем вас убьют. И еще вы должны поспешить...

– А теперь ограниченный срок, – Лео с видом знатока посмотрел на меня. – Нам всегда дают ограниченный срок.

– Через три дня, – продолжала Бритомартида, – император планирует устроить грандиозный праздник с участием всех животных и пленников.

– Церемония имянаречения, – вспомнил я. – Нанетт, блеммия, которая нас чуть не убила, упоминала о ней.

– Именно, – скривилась Бритомартида. – Император... он просто обожает называть вещи в свою честь. На этой церемонии он хочет дать новое имя Индианаполису.

Само по себе это не показалось мне большой трагедией. Кому, скажите на милость, может нравиться название «Индианаполис»? Но если император был тем, о ком я думал, значит, его церемония предполагает убийство тысяч человек и животных. Такому, как он, лучше не доверять организацию детского дня рождения.

– Блеммия сказала еще кое-что, – добавил я. – Император хотел принести в жертву двух особых пленников. Меня и девчонку.

Калипсо изобразила руками, как захлопывается медвежий капкан:

– Джорджина!

– Совершенно верно! – в голосе Бритомартиды снова слышалось неуместное веселье. – Сейчас девочке ничего не угрожает. Да, она в плену, она безумна, но она жива. Сосредоточьтесь на поиске моих грифонов. Отправляйтесь в зоопарк на рассвете. У императорской стражи как раз будет заканчиваться ночная смена. Они уже устанут, и внимание их ослабнет.

Я посмотрел на детали мины в руках Лео. Смерть от взрыва начинала казаться лучшей участью, чем квест Бритомартиды.

– Ну я хоть не один буду, – пробормотал я.

– Вообще-то, – сказала богиня, – Лео Вальдес должен остаться здесь.

– Чего-чего?! – вздрогнул Лео.

– Ты доказал, что разбираешься в ловушках и западнях, – объяснила богиня. – Эмми и Джозефине нужна твоя помощь. Станции пока удавалось скрываться от глаз императора, но долго это продолжаться не может. Ему ненавистна любая оппозиция. Он непременно найдет это убежище. И захочет его уничтожить. И ты, Лео Вальдес, поможешь укрепить оборону.

– Но...

– Выше нос! – Бритомартида повернулась к Калипсо: – Ты, дорогая, можешь отправляться с Аполлоном. Двое бывших бессмертных выполняют мое задание! Да, мне это уже нравится!

– Но, – побледнела Калипсо, – но... Нет, я не...

– Она не может, – добавил я.

Волшебница энергично закивала:

– Мы не слишком ладим, так что...

– Значит, решено! – богиня поднялась с кресла. – Встретимся здесь, когда вы вернетесь с грифонами. Не подведите меня, смертные! – она восторженно хлопнула в ладоши. – Всегда хотела это сказать!

Она закружилась на месте и исчезла в яркой вспышке, словно блесна, оставив за собой лишь пару тройных крючков, прицепившихся к ковру.

*Скребу туалеты
Хотя бы награда достойная
Остатки тофу*

Я думал, что после медвежьего капкана и нажимной бомбы день не сможет стать еще хуже. Но конечно я ошибся.

Когда мы рассказали Эмми и Джозефине о нашем разговоре с Бритомартидой, наши хозяйки очень расстроились. Они явно не верили, что наш поход за грифонами послужит спасению Джорджины и что их малышка протянет еще три дня до феерически убийственного императорского шоу.

Эмми и Джо были так обижены – не только на Бритомартиду, но и на нас, – что решили снова нагрузить нас делами по дому. Естественно, они заявили, что все гости должны помогать. Станция – это, видите ли, общее пространство, а не гостиница, бла-бла-бла. Только меня не проведешь. Почистить туалеты на Станции – а их там двадцать шесть! – что это, если не наказание?!

Хорошо хоть меня не заставили менять солому у грифонов на верхотуре. Взглянув на Лео, который оттуда вернулся, можно было подумать, что ему пришлось отбиваться от огородного пугала. Калипсо же провела весь день с Эмми на крыше, где они сажали маш. Скажите мне, разве это спра-

ведливо?

К вечеру я жутко проголодался. Я надеялся, что нас снова вкусно накормят (желательно, чтобы готовил не я), но Джозефина безучастно махнула рукой в сторону кухни:

– Там в холодильнике вроде оставались энчилады с тофу. Агамед проводит вас в ваши комнаты.

Они с Эмми так и ушли, бросив нас на произвол судьбы. Светящийся оранжевый призрак сначала повел в гостевую комнату Калипсо. С помощью магического шара и множества жестов Агамед объяснил нам, что девушки и парни должны спать в разных частях здания.

Мне это показалось смешным, но большинство поступков моей сестры и ее Охотниц не поддаются никакой логике.

Калипсо не стала протестовать. Перед уходом она повернулась к нам и процедила сквозь зубы, словно делая огромное одолжение:

– Увидимся утром.

Всем своим видом она демонстрировала, что, разговаривая с нами, она оказывает нам честь, которой мы явно не заслуживаем. Честно говоря, не понимаю, с чего так задирать нос, если ты весь день копалась в грядках с бобами.

Несколько минут спустя мы с Лео достали энчилады из холодильника, и Агамед проводил нас в нашу комнату.

Вы не ослышались. Нам выделили одну комнату на двоих, что я счел очередным знаком недовольства хозяек.

Перед тем как покинуть нас, Агамед бросил мне магиче-

ский шар.

– Я ни о чем тебя не спрашивал, – удивился я.

Призрак выразительно указал на волшебную сферу.

Я перевернул ее и прочел: «АПОЛЛОН ДОЛЖЕН ВЕР-
НУТЬ ЕЕ ДОМОЙ».

Будь у призрака голова, хотел бы я взглянуть на выражение его лица.

– Ты уже говорил мне об этом.

Я бросил шар ему обратно, надеясь получить хоть какое-то объяснение. На несколько мгновений Агамед завис перед нами, словно ожидая, чтобы я что-то понял. Затем он поник, отвернулся и улетел.

Мне совсем не хотелось энчилады с тофу, да еще и разогретой. Поэтому я отдал свою порцию Лео, который, скрестив ноги, уселся на кровати и принялся поглощать еду. Комбинезон Джорджины, который он так и не снял, был весь в соломе. Похоже, Лео, решил, что носить одежду семилетней девочки весьма почетно.

Я лег на кровать и принялся разглядывать кирпичную арку надо мной, гадая, когда она обрушится на мою голову и чем это закончится.

– Я скучаю по своей кровати в Лагере полукровок.

– Здесь не так уж и плохо, – сказал Лео. – Как-то в промежутке между приемными семьями мне пришлось с месяц ночевать под мостом на Мэйн-стрит в Хьюстоне.

Я посмотрел на него. Сидя в гнезде из соломы и покрывал,

Лео не казался особенно радостным.

– Ты ведь переоденешься перед сном? – спросил я.

Он пожал плечами:

– Схожу в душ утром. Если ночью что-нибудь зачесется, я просто загорюсь.

– Мне сейчас не до шуток. Бритомартида отбила всякую охоту.

– А я и не шутил. Не волнуйся. Я уверен, что Джо напичкала все здание противопожарными системами.

Перспектива проснуться посреди пожара в пене огнетушителя мне не очень улыбалась, хотя, случись это на самом деле, я бы не удивился.

Лео постучал вилкой по тарелке:

– Эти энчилады просто *sabrosas*⁹. Нужно попросить у Джозефины рецепт. Моей подруге Пайпер они точно понравятся.

– Как ты можешь быть таким спокойным?! – не выдержал я. – Завтра мы с твоей девушкой отправляемся в опасный квест!

Обычно, когда я говорил смертному, что отправляюсь куда-то с его девушкой, это разбивало ему сердце.

Но внимание Лео было приковано к тофу.

– Вы справитесь.

– Но у Калипсо нет магических способностей! Как она мне поможет?

⁹ Объединение (исп.).

– Тут дело не в способностях. Вот увидишь. Завтра Калипсо непременно спасет твой тощий зад.

Эта мысль меня не порадовала. Мне совсем не хотелось, чтобы благополучие моего тощего зада зависело от бывшей волшебницы, которая не умеет ни драться, ни смешно импровизировать, особенно учитывая ее нынешнее настроение.

– А если она не успокоится до утра? – спросил я. – Что между вами происходит?

Лео занес вилку над последней энчиладой:

– Просто... Мы полгода добирались до Нью-Йорка. Опасности были на каждом шагу. Мы ни разу не останавливались где-то дольше чем на одну ночь. Потом еще полтора месяца пути до Индианаполиса.

Я задумался и попытался представить, каково это – пережить раза в четыре больше трудностей, чем я испытал за все время моих злоключений.

– Да, это серьезная проверка для любых отношений.

Лео печально кивнул:

– Калипсо прожила на своем острове тысячи лет, чувак. Ей нравится работать в саду, ткать гобелены, украшать все вокруг себя. И все это невозможно, когда у тебя нет дома. Кроме того, я ведь... я забрал ее оттуда.

– Ты спас ее, – возразил я. – Боги не спешили освободить ее из этой тюрьмы. Она могла провести на своем острове еще тысячу лет.

Лео прожевал последний кусочек и проглотил его с таким видом, будто тофу вдруг превратился в глину (хотя, по-моему, разница между ними невелика).

– Иногда она рада этому, – проговорил он. – Но иногда – без волшебства, без бессмертия... – он покачал головой. – Я бы сравнил наши отношения с механизмом. Но она бы меня убила.

– Я ничего не имею против механизмов.

Он поставил тарелку на тумбочку:

– Знаешь, каждый мотор способен выдерживать определенную нагрузку. Если он будет работать слишком быстро и слишком долго, то начнет перегреваться.

Это было мне понятно. Даже солнечная колесница капризничала, когда я превращал ее в «Мазерати» и гонял весь день без перерыва.

– Вам нужно время на ремонт. У вас ведь не было возможности отдохнуть от опасностей и постоянной гонки, чтобы по-настоящему узнать друг друга и понять свои чувства.

Лео улыбнулся, но в глазах его не было обычного озорного блеска.

– Ага. Только вот опасности и постоянная гонка – это и есть моя жизнь. Я не... я не знаю, как это исправить. И возможно ли это вообще исправить. – Он стряхнул пару соломинок с позаимствованного у Джорджи комбинезона. – Ладно, проехали. Давай спи, пока можешь, солнышко. Лично я на боковую.

– Не называй меня солнышком! – потребовал я.

Но было поздно. Отключается Лео с быстротой дизельного генератора. Он завалился на бок и тут же захрапел.

Мне повезло куда меньше. Я еще долго лежал в постели, считая в воображении золотых плотоядных овец, пока наконец не провалился в тревожный сон.

*Четверо без башки
Многовато даже для кошмара
За что мне это? Хнык-хнык*

Естественно, мне снились кошмары.

Была безлунная ночь, я стоял у подножия могучей крепости. Стены из грубо обтесанного камня тянулись ввысь на сотни футов, крапинки полевого шпата в них сверкали как звезды.

Сначала я не слышал ничего, кроме писка сов, доносившегося из леса позади меня, – этот звук всегда напоминал мне о ночах в Древней Греции. Затем у самого основания крепости раздался скрежет камня о камень и открылся люк, который раньше был скрыт от глаз. Из него вылез молодой человек с тяжелым мешком за спиной.

– Скорей! – прошептал он, обращаясь к кому-то в туннеле.

Парень с трудом поднялся на ноги, в мешке у него что-то звякало. Либо он решил вынести мусор (что вряд ли), либо тащил кучу награбленных драгоценностей. Он обернулся, и когда я увидел его лицо, мне захотелось завопить как сова.

Это был Трофоний. Мой сын.

Вам знакомо чувство, когда вы подозреваете, что тысячи

лет назад у вас родился ребенок, но вы все еще сомневаетесь, отец ли вы ему на самом деле? А потом вы встречаете его уже взрослым, смотрите ему в глаза и понимаете, что сомнений быть не может – он ваш сын! Уверен, многие меня поймут.

Не помню, кто была его мать... Может быть, жена царя Эргина? Она была весьма хороша собой. У Трофония были такие же, как у нее, темные блестящие волосы. Но мускулистое тело и прекрасное лицо – волевой подбородок, нос идеальной формы, розовые губы – свою сногшибательную внешность Трофоний, несомненно, унаследовал от меня.

В глазах его светилась уверенность, они словно говорили: да, я только что вылез из туннеля и все равно выгляжу потрясающе.

Из люка выглянул еще один молодой человек. Наверное, у него были более широкие плечи, потому что он никак не мог протиснуться наружу.

Трофоний тихо рассмеялся:

– А я предупреждал, чтобы ты не налегал на еду, брат.

Несмотря на затруднительное положение, в котором он оказался, парень посмотрел на него и улыбнулся. Он был совсем не похож на Трофония: светлые кудрявые волосы, а лицо – наивное, глуповатое и безобразное, как у доброго ослика.

Я понял, что это Агамед – сводный брат Трофония. Он не был моим сыном. Бедный мальчик имел несчастье быть родным ребенком царя Эргина и его жены.

– Не могу поверить, что у нас получилось, – сказал Агамед, высвобождая левую руку.

– Иначе и быть не могло, – ответил Трофоний. – Мы знаменитые архитекторы. Мы построили храм в Дельфах. Разве мог царь Гирией доверить строительство сокровищницы кому-то другому?

– Оснащенной потайным ходом для воров!

– Он никогда об этом не узнает, – усмехнулся Трофоний. – Старый параноик настолько глуп, что наверняка заподозрит в воровстве своих слуг. А теперь шевелись, бочка!

Но от смеха Агамед не мог пошевелиться. Он протянул брату руку:

– Помоги мне!

Трофоний закатил глаза, бросил мешок на землю – и тем самым привел в действие потайной механизм.

Я знал, что произойдет дальше. Историю, которая теперь разыгрывалась у меня перед глазами, я уже вспомнил, но наблюдать за происходящим все равно было очень непросто. Царь Гирией был параноиком, еще каким! Несколько дней назад он прочесал всю сокровищницу, проверяя, насколько она надежна. Обнаружив туннель, он ничего не сказал слугам, строителям и архитекторам. Он не стал перепрыгивать сокровища. Он просто установил рядом с выходом из туннеля смертельную ловушку, чтобы узнать, кто же захотел его ограбить...

Трофоний опустил мешок с золотом прямо на нить-рас-

тяжку, которая, по замыслу царя, должна была сработать именно в тот момент, когда вор вылезет из туннеля. Царь намеревался поймать предателей с поличным.

Автоматический лук, прикрепленный к ближайшему дереву, выпустил вверх сигнальную ракету, которая со свистом описала на темном небе красную огненную дугу. В туннеле с треском сломалась опорная балка, и на Агамеда обрушился град камней, раздробив ему ребра.

Агамед, задыхаясь, заколотил свободной рукой по земле. Выпучив глаза, он кашлял кровью. Трофоний закричал от ужаса, бросился к брату и попытался вытащить его наружу, но Агамед завопил от боли.

– Спасайся сам! – застонал Агамед.

– Ни за что! – По щекам Трофония покатались слезы. – Это я виноват. Я привел тебя сюда! Надо позвать на помощь. Я... я сбегаю за стражей...

– Тогда они убьют и тебя, – прохрипел Агамед. – Беги. Пока еще можешь. И брат, царь знает меня в лицо, – он хватал ртом воздух, в горле у него забулькало. – Когда он найдет мое тело...

– Даже не думай об этом!

– ...он поймет, что ты был со мной, – продолжал Агамед, глаза которого, озаренные близкой смертью, теперь были ясными и спокойными. – Он выследит тебя. И объявит войну нашему отцу. Сделай так, чтобы никто не смог опознать мой труп.

Агамед поднял слабую руку и едва заметно коснулся кинжала, висящего у его брата на поясе.

Трофоний взвыл. Он понял, чего хотел от него брат. Вдалеке были слышны голоса стражников. Совсем скоро они будут здесь.

Он воззвал к небесам:

– Возьми лучше меня! Спаси его, отец, прошу!

Отец Трофония Аполлон не ответил на его мольбу.

«Я одарил тебя славой, – думал Аполлон. – Я позволил тебе строить мой храм в Дельфах. А ты променял доброе имя и талант на то, чтобы стать вором. Ты сам навлек на себя беду!»

В отчаянии Трофоний достал кинжал. Он в последний раз поцеловал брата в лоб и приставил клинок к горлу Агамеда.

Сон изменился.

Теперь я стоял в длинном подземном помещении, отчасти напоминающем главный зал Станции. Над головой изгибался потолок, украшенный белой блестящей плиткой под кирпич. Вдоль правой и левой стен, там, где на вокзале проходили бы железнодорожные пути, текла вода. Стены были увешаны экранами, с которых на меня смотрел кудрявый мужчина с каштановыми волосами, бородой, великолепными зубами и прекрасными голубыми глазами.

Видео напомнило мне транслируемую на Таймс-сквер рекламу вечернего шоу. Мужчина кривлялся на камеру, смеялся, целовал экран, притворялся, что вот-вот упадет. Каж-

дый раз он представлял в новом наряде: то в итальянском деловом костюме, то в форме автогонщика, то в охотничьей одежде – и каждый раз его одежда была сделана из лвиной шкуры.

По экрану прыгала аляповатая надпись «НОВЫЙ ГЕРКУЛЕС!».

Да. Именно так он любил себя называть во времена Рима. У него была атлетичная фигура героя, но настоящим Геркулесом он не был. Я-то знаю. Я много раз встречался с Геркулесом. Император же был скорее воплощением представлений о Геркулесе – отретушированная, чрезмерно мужественная карикатура.

Сам мужчина, окруженный охранниками и свитой, восседал на белом гранитном троне в центре зала. Не каждый император может выглядеть царственно, когда на нем надеты только плавки из лвиной шкуры, но Коммоду это удавалось. Одну ногу он небрежно закинул на подлокотник трона. Кубики на его загорелом животе были такими рельефными, что напоминали упаковку из шести банок пива: еще чуть-чуть – и я бы увидел крышки. С весьма скучающим видом он вертел двумя пальцами шестифутовый полэкс, грозя в любую минуту отхватить конечность у стоящего рядом советника.

Я едва сдержал стон. Дело было не в том, что даже спустя множество столетий Коммод не потерял и толики своей привлекательности, и не в том, что у нас с ним были... э-э... сложные отношения, а в том, что он напомнил мне, каким я

сам был в прошлом. О, если бы я мог взглянуть в зеркало и снова увидеть там идеал красоты, а не пухленького неуклюжего мальчишку-недоростка с проблемной кожей!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.